Мария Щербинка

Кровь восточного моря

Мария Владимировна Щербинка
Кровь восточного моря

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72588658
SelfPub; 2025

Аннотация

Восточный ветер должен был спасти еще ее мать, но так и не пришел. И теперь Касеноко должна защитить себя, бабушку и забавного мальчишку, умеющего говорить с духами. И пока где-то на другой стороне мира торговая шхуна двигается к берегу Хоккайдо, девушка пытается жить правильно, чтобы не навлечь на себя проклятие кровавого золота. Получиться ли у нее отсидеться , когда ее жизнь начнет рушиться?

Содержание

Часть 1. Острова в океане 5
Глава 1. Бакланы 5
Глава 2. Дитя ветра 25
Глава 3. Совесть 40
Глава 4. Топограф 56
Глава. 5 Дракон, ветер и шаман 71
Конец ознакомительного фрагмента. 84

Мария Щербинка
Кровь восточного моря

Часть 1. Острова в океане

Глава 1. Бакланы

Почему люди не летают? Это избавило бы от такого количество проблем, в первую очередь от поедания надоевшей рыбы, которую в поселке с чем только ни готовили. А вот если бы полететь, подняться и перемахнуть пролив, то можно было бы оказаться у сытой земли. Так берега Трепун-мисири[1]называл отец. Мама же качала головой на такое определение. Наверное, она уже забыла каково было жить на большой земле, вокруг которой летают огромные лодки с белыми перьями, ходят люди с глазами цвета морской воды, а рядом с домами поднимаются солнечная трава – пшеница. Отец вспоминал, что от блеска колосьев болели глаза, так чудесное растение похоже на солнце и золото.

Мошир вздохнул. Рассказывать о прошлом на большой земле отец мог долго и подробно, живописуя хвойные леса, диковинных зверей и полуволшебное приспособление – ружье. Только мясо от этого хотелось не меньше. После того, как дед Тукуруку, самый меткий из шести мужчин их послания, умер в начале весны от тяжести в сердце, прилично-

[1] Анское названи Сахалина

го куска мяса Моширу больше не доставалось. Отцу удавалось поймать в поставленные у скал ловушки тупиков и даже кайр. Но как только с птиц обдирала маслянистые перья, тушки становились совсем крошечными. А если добычу поделить на всех, а это надо было делать обязательно, то для мальчика ничего не оставалось. Из-за вчерашнего горестного выражения лица, возникшего при виде жалкого кусочка кайры, над Моширом весь день подтрунивали старшие сестры. Будто бы им всего хватало! До чего же они раздражали! Сегодня все, очевидно, продолжится.

На улице, радом с домом, раскрасневшаяся Чуду´ расставляла наполненные миски по небольшому плетеному столику. На обед были вареные корни белокопытника, завернутого в крапиву, камбала и молодые стебли бамбука. И крохотный кусочек вчерашней кайры. Мама припасла свой, и сейчас уже привычно отдавала его детям. Хотя, таковыми последних можно было назвать с натяжкой. Чуду пошла семнадцатая весна, которую она, как и все предыдущие, глупо тратила на бесконечные разговоры с духами предков, чем очень радовала мать, но раздражала мальчика. Неужели старшая сестра не могла найти занятие поинтереснее или хотя бы поразнообразнее? Чего толку было сидеть около матери? Но Чуду нравилось. Кряжистая, широколицая, очень похожая на отца внешне, а на беззаботных синиц характером, она объединяла в себе несочетающиеся вещи- крепость и грацию.

Кета же, по обыкновению, на обед опаздывала. Очевидно, снова вместо ткачества убежала с Эндумом к берегу собирать моллюсков и целоваться. Мошир уже несколько раз видел, как серьезный, уважаемый и непогрешимый Эндум ведет себя, как сущее дитя рядом с его непоседливой сестрой, похожей на распускающейся по весне белый дудник. Пятнадцатилетняя девушка с длинными, заплетенными у висков волосами подобно зонтичному растению качалась на ветру и никогда не унывала. Правда такое поведение беспокоило отца.

Он считал, что следует все делать размеренно и спокойно, лишний раз не идти на поводу у чувств и эмоций. Сегодня он собирался проверять сети только вечером, оттого долго спал, а улицу вышел прямо к обеду. За необоснованное безделье заработал укоризненный взгляд матери. Она занималась обработкой мелкой рыбешки, в которой и есть-то было нечего, но выкидывать дар богов было не вежливо. Безалаберность отце ее откровенно злила.

– Ну чего, думаешь, если на мясо смотреть, его как-то больше станет? – Беззлобно сказала Чуду и положила перед братом деревянные палочки, а перед мамой отполированную ложку из красноватого тиса. – Может не будем ее ждать, а то Мошир мясо взглядом под чистую употребит.

– Кета! – глухо прокричал отец в сторону берега.

С дальних кустов поднялась стая желтоперых овсянок, мирно дремавших в гнездах. Молодая рябина боязливо за-

хлопала листочками, а стоящий рядом старенький куст шиповника только недовольно покачал головой.

– Ну сколько это будет продолжатся, мать! Ходят вокруг да около, только соседей смешат. Втолкуй…

Мама едва приподняла уголок татуированных губ, а разворчавшейся отец тут же затих и уставился в миску, исходящую паром. Его густая черная борода, завязанная снизу, покрылась мелкими капельками. Если они продолжат ждать, еда остынет. Но дальше сокрушаться не пришлось, раздались торопливые шаги. Кета в промокшем по самое колено аттусе[2] аккуратно присела рядом со столиком. Влажные сандалии из широких лубковых полос она поставила рядом и смиренно склонила голову, ожидая наказания. Но мама только протяжно вздохнула и принялась делить заветное мясо. Казалось, что Моширу достался самый маленький и подгорелый кусочек. От обиды даже защекотало где-то в носу.

– Ну все, Кета, как раз вовремя ты пришла. Сейчас будешь наблюдать, как наш храбрый воин разрыдается. Гляди-гляди, точно Пасе камую [3] благодарные слезы будет преподносить, – шептала сестре Чуду, сдерживая смех.

– И правда. А еще говорят, что из мужчин плохие сказатели и шаманы выходят. Мошир-то наш самый верный почитатель богов. Еще немного и целый кувшин наплачу. Только надо, чтобы они покрупнее были. Поэтому печалится нужно

---

[2] Национальная одежда айнов, похожая на халат

[3] Верховный бог айнов

сильнее.

– Да вы…– начал было Мошир, но тут же умолк, когда каждая из сестер, как по команде, положила в его миску свой кусочек мяса.

– Ешь. Тебе надо быть большим и сильным. – Кета повернула голову к берегу и улыбнулась.

– … Чтобы потом так же с Лайей обжиматься на берегу? Не учи брата плохому! – Уже во всю хохотала Чуду.

Мошир быстро засунул в рот мясо, остатки белокопытника и выскочил из-за стола:

– Да чтобы вас, проклятые… – шептал он себе под нос.

Почему отец никогда не встает на его сторону? Почему не защищает от этих вечно хохочущих чаек? Неужели он не испытывает хоть какой-то солидарности? Ну или хотя бы сострадание к единственному сыну. Нет, конечно, нет… Какое уважение к мальчику может быть в доме верховной шаманки и ее дочерей, которые так важны для их крошечной деревеньки. Общение с предками, вымаливание прощения за умерщвление душ, ритуалы, древние и такие непонятные – это все важнее. И поскольку доступно лишь женщинам – Мошир будто не существует.

Ну ничего, он покажет отцу, матери и сестрам, чего он стоит. Не даром же он уже получил свой нож, а это случилось раньше многих. Эндум только в двенадцать смог пройти тот путь, что Мошир осилил в свое десять с небольшим. А ведь это случилось чуть больше года назад! И все он докажет. Как

притащит огромную тушу жирного баклана, так сразу же все шуточки прекратятся. Тем более про Лайю, которой только-только исполнилось восемь. Как вообще с такой мелюзгой можно водиться мужчине, у которого есть собственный железный нож? Вот и правильно, что никак. Как только он достанет баклана – сразу же станет уважаемым охотником, займет место деда Тукуруку и будет глядеть на сестер свысока и похохатывать иногда.

Мошир двигался прочь от долины, прикрытой невысокими деревцами от пронизывающего морского ветра. Подъем становился все круче, а шаги мельче, но мальчишка не думал останавливаться и вскоре полз по изумрудному холму, за которым прятались отвесные скалы. Так, в небольшой полукруглой бухточке, среди тлеющих водорослей и скелетов обглоданной рыбы, жили птицы. В основном, конечно, это были мелкие и шумные тупики, которые хороши были для постного супа или для тренировки меткости. Высокую сколу, хорошенечко покрытую белоснежным пометом, облюбовали для себя чайки. Наглые и удивительно шумный птицы, имеющие много общего с его сестрами. Даже мясо у них было противное. Жесткое, отдающее гнилыми водорослями, илом и тухлой рыбой. А еще после его поедания запросто можно было пойти по ветру, надолго. Чаек без крайней необходимости лучше было не трогать, не понятно, что потом пришлось бы отскребать от одежды. А атуссы, требующие длительное время на изготовление, берегли все, от мала до велика.

Мошир прошел по самой вершине холма, стараясь балансировать на зазубринах обветренных камней. Аккуратно спустился к нескольким валунам, изрисованных мхом и солевым налетом, и уставился на скалы, о которые билось синее море. Птицы как-то странно притихли и только некоторые изредка поднимались над гнездами и вскорости возвращались назад. Бакланов не было. Обычно птицы прилетали на образовавшиеся после отлива отмели и ловили там мелких рачков и моллюсков, не брезговали водорослями, а некоторые, видимо, по глупости, вообще глотали камни. Но отлив еще не наступил. Мошир решил ждать. Благо сегодня было не жарко, весна уже вошла в полную силу, а надоедливой мошкары, что выводится после зная, еще не появилось. Солнце еще не начало пролезать под одежду и чернить кожу, а значит, ждать можно было столько, сколько потребуется.

Дед Тукуруку, являвшейся учителем и воспитателем для нескольких мальчишек в поселении, любил говорить, что ожидание может принести куда больше плодов, чем бездумный порыв. Не зря же на сытых берегах люди пекут хлеб, они привыкли, что для него надо долго растить пшеницу. Только терпение может дать то, что ловкость дать не в состоянии. И поскольку пожилых и умудренных опытов людей следовало беспрекословно слушать, Мошир это и делал. Он, Эдмун и Манеки ходила за дедом, как приклеенные, и впитывали мудрость предков. Старик за свою длинную и непростую жизнь видел больше, чем мальчишки за свои вместе взятые.

Тукуруку, как и родители Мошира, прибыл на Тодомосире[4] на лодке с белыми перьями. Об этом легендарном «переселении» старик рассказывал много, очень много раз. В те темные времена на землях, что были шире Трепун-мосири и простирались от берега одного разноцветного моря до другого, уже было неспокойно. Население, мирно скрытое хвойным лесом, стали часто выслеживать японцы. Что им сделала группка айнов, живущих рыбалкой и собирательством, Тукуруку не знал, только чувствовал, что добром это не кончится. То и дело наведывались русские торговцы и искатели приключений, обменивающие пушнину и рыбу на оружие и необходимые припасы. С ними вроде бы проблем не было, только на земле становилось неспокойно. А потом, словно подтверждая опасения, прибыла огромная лодка. Когда старик говорил огромная, он вставал во весь свой немаленький рост, вытягивал руки над головой и пытался показать мальчишкам высоту бортов. Только все равно этого не хватало. Над этой лодкой возвышались белые перья парусов, сделанные из волшебной такни, которая не боялась дождя и солнца, а ветер делал ее только прочнее. На той огромной лодки пришли люди, одетые в золото и ночь. Главные из них носили плотные зеленые аттусы с блестящими кругляшками, другие, напротив, были одеты просто и ползали по паутине, которая опутывала волшебные перья, лучше многих пауков. На этот корабле прибыл мудрый человек из далекой стра-

[4] Айнское название острова Монерон

ны. Она находилось за морем, дальше мест, где заканчивалась река Амур. Там жили целые поселки, никогда не видевшие моря и чаек. Хозяин корабля был очень похож на айнов, такой же чернобровый и черноусый, только без бороды. Он прибыл с другой край земли, чтобы нанести земли, граничащие со своим государством на карту. С ним были и другие люди с глазами цвета неба, какое может быть только у богов.

Оказалось, мир больше, чем может увидеть один человек, стоящий на холме. Он настолько гигантский, что никакого куска бумаги не хватит, чтобы его нарисовать. Но ученые люди и с этим справились. Придумали железных треугольников, меревшими высоту гор, вооружились компасами, прочими принадлежностями и принялись описывать на бумаге берега, реки и горы. А все только для того, чтобы правильно нарисовать границы. Им было важно описать берег, между котором в ближайшем будущем должны были пройти великое множество подобных корабли.

Заканчивал старик истории одинаково – понижал голос и добавлял секрет, который для мальчишек уже не являлся тайной. Чужеземцы пытались раздобыть побольше золота, думали, что Восточное море дает такому металлу особую силу. А айны все уходили и уходили, подальше от японцев и русских. Так мама и папа и все соседи еще детьми перебрались с сытых берегов на остров, который прятался под разными именами. Японцы называли его – Кайбато, русские – Монерон, а айны- Трепун-мосири.

Как бы Моширу хотелось увидеть карту всего мира, посмотреть на иноземцев, подышать другим воздухом, взглянуть в глаза кровожадным японцам. Только родители, деде Тукуруку пресекали подобные разговоры. Они утверждали, что мальчишка не знает о чем говорит, но это лишь от трусости или взрослости. Они просто привыкли к острову и совсем не хотят думать о чем-то другом помимо бесконечной рыбалки. Ну и от слабости- родители не смогли бы убить захватчиков, а Мошир бы смог. Он знает, как поступить с японцем, носившем длинный нож на поясе и рыбью чешую поверх тканевой одежи. Ударить под коленом или подмышкой, в конце концов прицелится в шею и одним ударом перебить толстую вену. Мальчишка вздохнул. Не было на горизонте ничего. Ни корабля, ни врагов. Только море и привычные скалы, стоящие по шею в воде с начала времен. Да глупые птица…

Волны, повинуясь зову луны и солнца одновременно, начали медленно отходить от берега. Каменистое дно принялось оголятся. Раздалось хлопанье крыльев. Несколько черных бакланов уселись на столбообразные камни у самого моря и приготовились ждать. Вот один из иных, тот, что покрупнее, перебрался в воду, засунул туда клюв и довольно крикнул товарищу. Второй долго не решался идти следом, но потом тоже опустил клюв в мелкую гальку в поисках добычи. Птицы были так заняты и столь довольны хорошей погодой, что не заметили мальчишку, сползшего с холма. Он прита-

ился на ближайшим к птицам валуне, извлек из наплечной сумки потертую рогатку и прицелился.

Большой черный баклан зашел поглубже и от избытка чувств даже нырнул в воду. Когда же он вынырнул, тяжелый серый камень угодил ему прямо в крыло. Моширу удалось попасть в обеих птиц. Та, что поменьше уже не билась – снаряд угодил ей в голову. А большой баклан храбро пытался сбежать с перебитым крылом. Чайки уже подняли гомон, тупики устроили бессмысленный галдеж, надо было торопиться, чтобы не остаться без добычи, ястребы того и гляди могли направиться на сей вой.

Мошир запихнул затихшую птицу в сумку, а во вторую – бросил камнем побольше, затем воспользовался ножом. Кровь быстро растворилась в общей синеве воды. Мальчишка с увесисты грузом направился в сторону гротов. Там в отдалении от птичьего смрада и морского ветра следовало простится с душами. Мама, знавшая множество песен для общения с духами, наверняка бы затянула какую-нибудь мудреную мелодию о небесах и звездных цаплях, которые ищут туда дорогу. Но такие песни ведомы только шаманкам или их дочерям, а сыновьями доставались только простенькие запевы про крылатых собратьев, которых ждет к себе верховное божество – Пасе камуй.

Мальчик уложил бакланов рядочком, развел небольшой костерок с помощью высохших водорослей, вытянул перед собой ладони и затянул. Ему не единожды приходилось петь

эту мелодию над пойманной рыбой и даже над сорванными ягодами, но над птицей он пел впервые. Души бакланов должны были двигаться на звук голоса мальчика, а затем подниматься вместе с воздухом к владыке небес. И от того, как хорошо Мошир сейчас споет, завесило, вернутся ли они снова на землю или навечно окажутся заперты в чертогах поднебесья.

Пламя костра задрожало, а затем и вовсе потухло. Резкий ветер вдруг поднялся над скалами. Мальчик опустил ладони. Души птиц все же поднялись к владыке небес. И тут появился новый вопрос. Стоит ли нести всю добычу к поселению? Ведь никто не знает, скольких бакланов удалось поймать. А если никто не знает, то хотя бы сейчас можно наестся вдоволь. От этой мысли Мошир заулыбался. После зимы всегда хотелось есть, но в последнее время это чувство почти поглотило его с головой. Иногда ночами, гладя в деревянный потолок землянки, он размышлял о том, как наесться вяленой рыбы, припасенной на зиму. Или слопает сушеные корешки, которые сестры собирали все лето. Но то были просто мысли, казавшиеся неосуществимыми. Дом охраняла хозяйка огня- Фудзи, а рядом с ней нельзя было врать и обманывать, тем более родных. Но здесь ее власти не было, можно было делать, что вздумается.

Сначала следовало выпотрошить птицу, а затем ощипать и опалить тушку над огнем. Собрать пух и внутренности, зарыть поглубже, чтобы чайки не растащили. Затем развести

костер побольше и подвесить тушку обгорать над пламенем, иногда поливая морской водой для вкуса. Так мальчишка и поступил. А время, незаметно окутавшее его плотным коконом, все шло и шло, подталкивая день к завершению.

Мясо достаточно пропеклось, когда солнце уже скрылось за холмом. По гроту поползли вечерние тении, обжигающие ступни около костра. Мошир старательно ел. И жирные ножки, и грудку, и худые крылышки. Он съел всю птицу целиком и повалился рядом с костром. Идти с переполненным животом казалось невозможно, он решил пересидеть часок-другой здесь и понаблюдать за морем. Оно беспокойно охало, словно молило о помощи или о чем-то предупреждало, напоминало новорожденного ребенка, оторванного от матери. Видимо, оно боялось темноты и теперь успокаивалось, глядя на костерок Мошира. А мальчик начал было засыпать от сладкой сытости и усталости целого дня, но тут его что-то дернуло и заставило распахнуть глаза.

Внутри бешено билось сердце, собирающее выпрыгнуть наружу. Ладони вспотели, а на лбу выступила испарина. Мошир выполз из грота и принялся часто дышать, надеясь избавиться от странного чувства. Но сердце будто не слышало его, а куда-то рвалось, заставляя подняться. Мальчишка решил, что это в нем колышется спавшая до этого совесть, и, собрав оставшуюся добычу, медленно пополз по холму. На самой вершине, в густых сумерках, Мошир едва не закричал, но вовремя прижал ладонь ко рту. И замер.

Горели четыре дома, стоящие на поляне, друг на против друга. Яркое пламя поднималось от самого крайнего – дома маленькой Лайи, где сейчас находилась ее больная мать. Соседний дом уже догорал, там раньше жил дед Тукуруку, а теперь остался его сын с двумя дочерями. Вокруг дома Эндума и его бабушки, кто-то бегал. А родная землянка, покрытая соломой, только-только загоралась. Мошир побежал. Камни. Трава. Кусты. Грязь. Первые ягоды. Он ничего не видел перед собой и несся вперед, то и дело спотыкаясь. Проклятый баклана просился наружу, сердце стучало еще сильнее, а на глазах выступили слезы. Но мальчишка все бежал и бежал. А когда наконец оказался в долине, он почувствовал, как сердце остановилось.

На вытоптанной поляне, прямо в центре поселка вповалку лежали мужчины. Их в поселке было немного. Отец Лайи, невысокий и седоволосый, отец Эндумаа, старик Той, сам Эдмун и отец. Их порубили, как молодые стебли бамбука. Каждый из них зажал в окровавленных ладонях нож или топор, у Эндума из груди торчало его же самодельный гарпун. А у отца глаза были открыты. Он глядел куда-то в небо, провожал собственную душу к всевышнему божеству. Моширу очень хотелось кричать, но звук глушило трепещущие сердца. А затем пришли мысли. Где мама? Где сестры? Где те самые, горячо почитаемые боги? Почему…

Он рванулся в тлеющую хижину, которая так целиком и не пала под гнетом пламени. Сквозь дым он пробился к алтарю,

на котором все так же стояла глиняная фигурка богини огня и небольшой кожаный мешочек, который мама спасла бы из горящего жилища первой. Дома никого не было. Мальчишка сунул мешочек за пазуху, выскочил на улицу, где столкнулся с человеком в цветной одежде и длинным ножом. Японец. Тот склонился над мертвыми мужчинами, пытаясь забрать их оружие или другие ценные вещи.

Мошир завопил и, неудачно перехватив свой нож, бросился на врага. Мальчишка не успел ударит ножом в шею или подмышку, потому что незнакомец сделал выпад первым и хорошенько ударил по носу. Пока Мошир промаргивался, японец схватил его за шиворот и потащил к береги. Когда мальчик пришел в себя и начал сопротивляется, упираться ногам, вопить и искать поясной нож, незнакомец со всей силы шибанул мальчишку о ближайшее дерево. Кажется, это был старый ясень.

Окровавленные лица, безвольные руки, горящие дома и опустевшее поселение. Картинки проносились одна за другой, пока наконец не погасли. А на их смену пришло пламя костра. Огонь в кромешной тьме трепетал от ветра, но возвращался в прежнее положение, потихоньку становясь все больше, все сильнее. И скоро рядом с ним уже можно было различить силуэты. Над пламенем наклонилась мама, придерживающая зияющую рану на шею. Кровь уже не текла, остановилась, окрасив серый аттус в непривычно яркий цвет. Мама всегда вымачивала свою одежку, красила края

синим и фиолетовым ягодным соком, рисовала юрких рыбок или звезды, по котором ориентировались рыбаки. Красный на ней выглядел дико, инородно и не по-настоящему.

По левую руку от нее сидела замолчавшая Чуду. Её аттус оказался изодран, на груди ткань удерживал жалкий остаток синего пояса. А прямо над сердцем у нее торчал нож, которым она резала рыбу за обедом. А по правую руку от мамы обливалась слезами Кета. Ее лицо был покрыто глубокими ранами, которые спускались под одежду, скорее всего, там не прекращались. Ножа или пореза было не было, но девушку была до ужаса бледной, почти белой. Она где-то тихо истекла кровью. Перед мальчиком сидели три женщины, умершие ужасной смерть.

Мошир хотел бы не видеть всего этого, но бежать из собственной головы было некуда, и он просто запел. Затянул вечную песню прощения. Такую пели на похоронах для всех. И для молодых, и для старых. Она напоминала собой набор повторяющихся и поэтому столь умиротворяющих слов. Из них словно плелась огромная сеть, на которую он укладывал души своей семьи и друзей, а затем отпускал в невидимое духовное море на милость богам.

Мама наконец улыбнулась, погладила окаменевшего сына по голове, тряхнула праздничным головным убором шаманки, взявшемуся невесть откуда, и начала отдалятся от костра. Сестры последовали за ней.

– Стой! Мама! Чуду! Кета! Я… я принес баклана, там был

второй, но я… Простите, но я принес. – Вот. – Мошир снял перед костром сумку и протянул матери неощипанную тушку.

На что она только слабо улыбнулась и махнула рукой:

– Пообещай, что позаботишься о других. Пообещай, что сохранишь себе, – сказала она прежде, чем полностью исчезнуть в сумраке ночи.

Чуду последний раз широко ему улыбнулась, жестом указала утереть нос, а Кета поднесла ладони к огню и дунула на него так, чтобы поднялись мелкие искры.

– Силу тебе отдаю. – Она последний раз глубоко вздохнула и пропала, оставив после себя запах так и невысохшие лубковых сандалий и соленой ткани.

Мошир резко сел. Никого. Было очень мокро, скользко и темно. В нос ударил запах плесени, мочи и стухшей воды. Он оказался между какими-то ящиками и толстыми жесткими веревками. Он попытался было подняться, но голова закружилась, и он с глухим стуком сел обратно. Неподалеку, в углу непонятного помещения раздался шорох, затем всхлип, и последовали слова, которые мальчишка готов был собрать, как драгоценный жемчуг, прижать к сердцу и носить, не снимая.

– Ты живой? – знакомый детский голос разбил страхи на мелкие кусочки.

– Лайя? – мальчишка вытянул руку вперед и коснулся ступни девочки.

Она тут же придвинулась к нему и крепко схватилась, обвила ногами и засунула голову под мышку. От девочки пахло пеплом, морем и прелыми водорослями. Мошир подумал, что примерно так же пах баклан, которого он вероломно подкараулил в момент покоя, и потом ради забавы, а не от страшного голода, съел. Кажется, это было так давно и так глупо. Он пошарил рукой около себя. Сумку с тушкой птицы исчезла, нож тоже. А вот кожаный мешочек, единственную реликвию его дома, так и осталась висеть под рубакой. Его не тронули.

– Лайя, – немного помолчав, спросил Мошир. – Что случилось?

Девочка потерлась лицом о ткань аттуса. В темноте невозможно было определить выражение ее лица. Наверняка, она так же заторможенна глядела на собственный костер, горящий где-то глубоко в сердце.

– Наступил последний день, как говорил дедушка Тукуруку. Было очень тихо, мама все кашляла, над очагом кипел суп. Я сама варила. Мы ждали папу, он как-то беспокоился. Говорил, что море просит быть острожными. Пошел проверить сети раньше времени, а через какое-то время прибежал обратно. Он только успел что-то сказать твоему отцу, который тоже собирался к сетям. Затем к ним подошли и другие. Я продолжала следить за супом, потому что хозяйка огня не любит невнимательных. А потом я услышала этот звук. Знаешь, как стучат друг о друга блестящие деревянные дощеч-

ки? Только звук был тише, но гуще, как смола. Да вот такой был звук. И пришли они. А потом все случилось как-то очень быстро. Папа, как и все отцы стоял в центре поляны, он тут же достал нож. И кинул его в высокого человека, на котором была одежда будто из деревянных пластинок. Он угодил ему в горло, – Лайя глубоко вздохнула. – А я закрыла глаза. Мне было грустно смотреть как мама потрошит живую рыбу, как отец приносит тушканчиков, что запутались в силках. А тут … А когда я открыла глаза, у котла стоял человек и что-то говорил. Потом он посмотрел на мою маму, на суп и пнул очаг. Меня вытащил за волосы из дома. Все кричали. Я видела, как Кету, твою красивую Кету, тащили куда-то в лес. Видела, как Чуду бежала к холму. Кажется, она упала. Видела грустных внучек деду Тукуруку. Они кричали. Весь мир состоял из вопля. А потом мой дом загорелся. Богиня Огня решила спрятать мою маму. Ведь так? Это хорошо?

– Хорошо, – хрипло ответил мальчик, стараясь проглотить слезы.

– Вот и я думаю, что хорошо. Ей с богиней будет не страшно на острове.

– На острове? А мы сейчас где? И правда, а где?

Лайя закрыла ладошкой рот мальчику и замолчала сама. Раздавалось мерное постукивание дерево обо что-то. Или это был ветер? Казалось, что комната немного двигается, от каждого такого звука.

– Мы на корабле?

– Ага, на таком, о каком все сказки деда Тукуруку. У него волшебные белые паруса. И злые-злые хозяева. Мошир?

– А?

– Нас теперь двое, да?

– Да, ты права. Только двое.

Девочка надолго замолчала, а потом тихо добавила:

– Но двое, это не один?

Мошир только грустно улыбнулся и покрепче прижал девочку к себе. Из всех жителей острова Тодомосири – убежища, куда сбежали дальневосточные айны в час опасности, остались двое. Девочка, которая спокойно говорила о смерти и не плакала. И мальчик, который никогда не должен был говорить с духами, но те подали голос первыми, чтобы с ним попрощаться.

Глава 2. Дитя ветра

Йена укатилась под прилавок и застряла там между ножкой стола и ящиком с письменными принадлежностями. Касенокó прямо посмотрела в глаза торговцу, расплывшемуся в довольной улыбке:

– Передай господину Такахаси, что с бумагой были перебои и я взял с тебе немного больше положенного. Эй! – торговец подпрыгнул, отчего монеты в его поясном кошельке зазвенели.

Касеноко поймала на лету нефритовую чернильницу, которую мгновение назад спихнула с богато обставленного прилавка. Сегодня в лавке было безлюдно, наверное, поэтому торговец позволил себе такое поведение.

– Прошу отдать монету, господин. Мне выдано денег исключительно на чернила и новые кисти для письма. Ни о какой бумаги речи не шло. Верните, а я не буду более вас беспокоить, – сказала девушка, с деланной покорность, опуская голову.

Торговец фыркнул в жидкие усы, деловито поправил дорогую накидку и вновь придал себе привычный, несколько высокомерный вид:

– Нашла кому угрожать. Тоже мне. Видишь, вот твоя монета. Иди уже отсюда, – он устремил взгляд на вход, куда только что зашли двое мужей в европейских костюмах. – А

то покупатели подумают, что я очень рад, болтая с эмиси[5]. Тоже мне. Ученая нашлась.

Касеноко опустила покупки в плетеную корзину, взяла монету со стола и, низко склонив голову перед мужчинами, вышла из лавки. Круглый колокольчик прощально звякнул, и девушка снова оказалась на торговой улице. Непрекращающийся людской поток несся по этой улице круглый год и в любую погоду, что летом, что зимой, что в солнечный день, что в пасмурный. У каждого жителя Ваканая найдется, что купить и продать. Молодая кислица, мицуба[6] и шисо[7] лежали зелеными пучками в аккуратных корзиночках седых бабушек, в волосах которых виднелись отполированные временем деревянные заколки, популярные в эпоху Эдо. Кто-то продавал пойманных кроликов, подмастерья портного спорили из-за рулона отличной английской шерсти. К торговцу рисом, как всегда, стояла очередь, он только шире улыбался и ниже кланялся, получая очередную монету. Девушка шла, стараясь не поднимать глаз. Так было спокойнее и ей, и господину, которому раньше частенько жаловались на служанку с запоминающей внешностью, праздно шатающуюся по городу. Будто у нее имелись на это деньги.

Наконец торговая улочка закончилась, и девушка, поплотнее закутавшись в старенькое хаори, заспешила ко Дворцу

---

[5] «дикарь» на японском, так пренебрежительно называли айнов

[6] Сладкий японский борщевик, который употребляют в пищу

[7] Разновидность периллы, так же использующаяся в японской кухне

на холме. Это было первое здание подобного типа во всем поселке, отчего местные, не искушенные мудреной архитектурой, называли строение Дворцом. Дом господина Такахаси находился на возвышенности, за небольшой рощицей из диких яблонь. Черепичную крышу было отлично видно издалека, по ней важно расхаживала серебристая трясогузка, деловито покачивая хвостом. Девушка поправила пояс, которым подвязывала штаны, заправила в них хаори, наконец подняв голову, пошла к главному входу.

Иногда Касеноко казалось, что она привыкла быть здесь, вписалась в окружающее декорации. В этом огромном доме, с милым садиком камней и крошечной красной беседкой, установленной ровно посередине небольшого искусственного прудика. В другие же моменты, она ощущала свою чужеродность всей кожей. Хоть она и не умерла от голода по воле покойной госпожи Такахаси, но спокойствия не было в этих стенах. В мире нашлось бы место, где можно было бы жить, не пряча лица? По сей день девушка понять так и не могла.

Служанка подметал двор, Касеноко специально сделала большой круг, и юркнула в хозяйственную пристройку, из которой скрывалась тропинка, уменьшающая путь к покоям молодой госпожи. В помещении пахло нагретыми глиняными горшками, где хранили много съестного. Девушка точно не знала, где здесь что находится, но часто наблюдала, как сюда затаскивают кувшины с соевым соусом. Из хозяйственной пристройки она вышла к обратной стороне садика, про-

шла вокруг стены и, воспользовавшись запасной калиткой, попала в Сад света. Молодая госпожа Кимико сидела в беседке и читала толстую книгу в черной обложке. Опять что-то на китайском, как жаль, что Касеноко не знала этого языка.

– Госпожа. Я принесла…

– Хорошо. Поставь ко мне на стол. Нет, лучше убери в верхний ящик. И закрой на ключ, – мелодично произнесла она, перелистывая очередную страницу. – Ах да, и сходи после к швее, забери нательное белье, она знает какое.

Касеноко непонимающе поглядела на молодую госпожу, обычно являющуюся образцом красоты, сдержанности и собранности. Отправлять служанку второй раз за день в тот же район? Это было слишком странно. Особенно для госпожи. Хотя, если так задуматься, последние месяцы только и состояли из интересных, странных, волнующих и пугающих совпадений.

С начала года, едва начал таять первый снег, Кимико пожелала, чтобы Касеноко отдали ей в услужение. Последняя раньше не была вхожа во внутренние покои, а занималась стиркой. Бесконечно таскала огромные лохани с водой, чаны с золой, а потом выкручивала простыни раз за разом. Еще два раза в неделю она присутствовала на встречи господина Такахаси и секретаря Томо, самого доброго человека на всем белом свете. Именно он разглядел в ней знание айнского и сделала переводчиком. Часто с секретарем Томо приходили

люди. Голодные, черные от горя и налипшей грязи, смирившиеся и больные. Айнов свозили со всего Хоккайдо, с южной части Сахалина и даже с берегов далекой России. Почему этот поток людей не заканчивался, Касеноко не знала. Но у секретаря в черной кожаной папке был бесконечный список имен, которые требовалась записать в новую таблицу, а задачей девушки являлась забота о прибывших. Со временем Касеноко несколько расширила свои полномочия и начала вести краткие записи господина Такахаси и секретаря Томо. После она отдавал тонкие листочки секретарю, каждый раз получая его одобрение, и отправлялась обустраивать людей. До того, как она попала в услужение госпоже, работа на господина Томо являлась ее основным заработком.

После наступления эпохи Мэйдзи вдруг оказалось, что требуется много рабочей силы. Постройка мостов, заводов, дорог, по которым ездят поезда оказались удивительно прибыльным делом, для которого требовались люди. Но у любого ресурса имеется предел, даже у человеческого, тогда-то и задумались «образовывать» дикие племена айнов, живущие в отдалении от цивилизации. Следом появились те, кто сгонял айн с насиженных мест, те кто тащили их по суше и морю, забывали, о том, что люди вовсе не скот и не живое мясо. Из-за чего непривыкшие к климату и местной пище айны долго болели. Через три месяца умирала примерно треть прибывших. А через год, когда секретарь приносил толстую книгу со всей собственностью господина Такаши, следовало,

что погибало еще треть. Итого, выживала едва ли четверть из тех, кого привезли превращать в людей. И Касеноко способствовала этому. И жила на заработанные деньги, уговаривая совесть замолчать.

«Эмиси» – так называли айнов все японцы, даже те, кто их никогда не видел. А вот если бы они хоть иногда переставали думать лишь о себе, то знали бы, что дикарями переселенцев нельзя называть. Скорее уже дикарем можно было бы назвать господина Такахаси, который за бесценок скупал живущих людей у тех, кто занимался их незаконной продажей. А высоких, чистоплотных и добрых людей, которые везли с собой сказы и песни, дикарями назвать было ну никак нельзя. И Касеноко злило такое положение вещей. Маленькой она начинала плакать прежде, чем бабушка собирала ее к ныне покойной госпоже, девочка не хотела идти в дом, где людям относились неправильно. Но бабушка тогда сказала ей одну вещь, благодаря которой, Касеноко до сих пор не взорвалась от гнева. «Никогда не позволяй гневу поглотить себя, терпение – вот твоя сила, Малая. Так не дай же никому узнать о ней». И Касеноко терпела. Благоразумно опускала глаза в пол, когда шла по людным улицам, низко кланялась господам, молча смотрела как очередных обескровленных айнов бьют, а потом что было сил выжимала белье.

Но, видимо, где-то у Пасе камуя ее терпение собралось в огромный сосуд, начало переливаться через край, и на Касеноко снизошла благодать. Ее попросила себе в прислуж-

нице молодая госпожа, выгнавшую нерасторопную служанку за провинность. Та прожгла дорогое праздничное кимоно, а Касеноко, возящаяся с тканями целыми днями, ловко придумала как скрыть эту оплошность. Так терпение дало первые всходы. И сейчас, когда она шла по той же шумной улице, что и утром, новые капли собирались в кувшине у верховного бога.

Когда девушка почти вышла из скопища разномастных людей, по толпе прошел слух о возвращении первой торговой «компании». А ведь с полгода назад никто не верил, что можно управлять кораблем такого размера. Это был потрепанный фрегат, русские хотели было разобрать его по досочкам или того хуже, затопить где-нибудь в тихой бухте. Но Господин Такахаси – глава торговой гильдий Вакканая выкупил оснастки корабля, который носил гордое имя – «Смелый». Через несколько месяцев прибыли плотники, а еще через месяц – судно вновь отправилось в море. На этот раз оно принадлежало Японии, было снабжено японскими товарами и командой. А в капитаны удалось назначить немолодого голландца, который уже очень давно надолго не уходил в море. Путешествие «Смелого» стало всеобщей темой для разговоров. Плоскодонные корабли прежней конструкции так далеко на летали, они держались у берега и частенько заходили в порты. А теперь был шанс привести заморских товаров и продать редкости со всех японских островов или даже других континентов. Люди ждали диковинок и ис-

торий, которые будут противоречить одна другой, но в чем-то будут схожи. Портовый поселок, еще не достигший размеров города, ждал того, чего никогда не видел. И надежды оправдались,

Девушка забрала одежду у мастерицы и уже шла обратно, когда наткнулась встретила первые кусочки, залетевший в Вакканай из дальних стран. Навстречу бежали улыбающиеся дети с огромными разноцветными полосками. При ближайшем рассмотрении это было бумажные крылышки, приклеены замысловато к круглому обруче. Пластинки крутились, словно мельница. И на предмете рисовался причудливый узор. Похоже, путешественник привезли безделушки и для самых маленьких. Касеноко повернула голову в сторону моря. Из-за островерхих крыш белые паруса было видно плохо. Но даже отсюда, девушка видела, что у судна всего две мачты. А корабль, который она так ждала имел три. Зачем же зря травить душу, если сказка не имеет способности оживать. Хотя, это и было очень критичным заявлением для пятнадцатилетней девушки, которая до сих пор по вечерам тайно забиралась на ближайший холм, и подолгу глядела на море, не имеющее конца.

Бабушка делает вид, что не замечает вечерних отлучек внучки. Но в любом случае, она бы не одобрила такое ревностное ожидание, от которого сама когда-то отказалась. Ведь именно бабушка привела плачущую Касеноко на мыс впервые. Усадила на камень и указала на линию горизонта.

А потом пообещала, что оттуда обязательно прибудет огромное чудо с белыми крыльями. А управлять им будет Восточный ветер. Он будет красивый и золотой, как солнце, только в человеческом обличия. Он обязательно поносит девочку на широких плечах. И споет ей песню на языке, которого не знает ни один житель Вакканая. Но девочка всё обязательно поймет. И когда все увидят, что ее отец спустился к ней с небес и переплыл целое море, никто из соседей не будет больше насмехается над ней. Все признают в Касеноко достойную дочь своего отца.

Только корабль с тремя мачтами за прошедшие десять лет так и не вошел в городскую гавань. После маминой смерти ,бабушку перестала ходить на мыс ежедневно и сказку про золотой Восточный ветер, который расправляет белоснежных паруса, больше не рассказывала. Хотя, наверняка тоже ждала, что он появится и унесет ее и внучку куда-нибудь высоко- высоко, где нет крошечной хижины, сырости и голода. Только вот Касеноко не сдалась, не смирилась и не забыла. Она все так же поднималась на холм, обдирая руки о камни. И долго-долго смотрела на узкую полоску света, которая постепенно сливается с морем, съевшее заблудившийся Восточный ветер.

Девочка пришла к мысли о гибели родителя в девять лет, когда узнала о пропаже отца соседского мальчика. Мужчина был рыбаком, который ставил сети на побережье, приносил в старых ведрах морских звезд и подолгу мог рассказывать

детям о крабах и живых раковинах. Море его проглотило, а лодку выкинула на берег целёхонькой. Может быть, и Восточный ветер угодил под толщу черно-синей воды и никак не может найти путь сюда. К ней, к бабушке, а маме, что лежит недалеко от этого самого мыса, под небольшим холмиком, где сейчас цветут маргаритки. Только вот нужна ли девочка ему без мамы?

Пока по соседству жили айны, Касеноко даже не задумывалась, что Макпотера – не ее настоящее имя. Так называла ее широколицая тетушка с большой татуировкой на губах и ее вечно хворый муж, похожий на голодающего кузнечика. А когда их подросший сын однажды принялся смеяться над ней, размахивая руками и протягивая имя ее по слогам, Касеноко задумалась. Бабушка всегда называла ее «Макпо» – дочка. Казалось, что имя «Макпотори» придумали другие люди, чтобы как-то к ней обращаться. Но что же такое смешное в нем было? Почему некоторые женщины глядели с сочувствием, а старушке, увидевшее ее светлые глаза, начинали кидать в девочку солью?

Тогда бабушка сказала, что люди ей просто завидую. У них нет светлых чудесных глаз и золотисто-кремовой кожи. И если уж ей досталось такое богатое наследство от родителя, сгинувшим за морем, им следует гордится. Тогда, чтобы окончательно пресечь жалеющие взгляды, скупые усмешки и подтрунивания, девочка выдумала имя сама. В тот день и

появилось Касеноко[8] – японская вариация имени. С ним девочка стала чувствовать себя увереннее. Она сообщила всем, кому могла, правду о себе и ничуть этого не стыдилась. Да и с чего бы сердится того, что твой отец – божество, Восточный ветер, пускай только по заверениям бабушки. Со временем ее глаза перестали быть цвета родниковой воды, приобрели оттенок неба перед бурей, недостаточно синие, но и не серые. А еще они были большие, почти такими же как у одинокого голландца, ставшего капитаном «Смелого». Наверное, если бы Касеноко не смотрела перед собой и не передвигалась под стать местным женщинам – мелкими шажками, ее бы приняли за иностранку. Правда для этого следовало обратить внимание на девочку в неказистой одежонке, которая старательно опускает голову.

Около корабля толпилось столько людей, что девушка даже пробовать подойти ближе не стал. Развернулась и вновь пошла в сторону холма. У главных ворот спорили Сина и Мадока, две женщины, что работали на кухне. Та, что постарше, трясла перед второй деревянной ложкой, утверждая, что на кухне кто-то переложил ее. Мадока говорила, что только вернулась с рынка и не заходила на кухни, тем более не приближалась к печи.

– Но отчего же тогда там окно открыто и чан передвинут? Ты точно хозяйничала там, пока меня нет. Кто по-твоему еще проходил через кухню? Призрак?

---

[8] Переводиться с японского, как дитя ветра

Касеноко обошла женщин и направилась к садику, завернула за одну из хозяйственных пристроек и практически столкнулась с молодым человек в европейском костюме.

– Простите, простите, господин. – Девушка привычно опустила глаза и попыталась незаметно обойти его.

– Ну, же Касеноко, что же ты, как всегда. Я же просил. – Раздался приятный бархатный голос.

Девушка подняла глаза. Перед ней стоял учитель молодого господина Такахаси. Сета Рю полгода занимался с десятилетним наследником семьи Такахаси. На этой неделе мальчик несколько приболел, и ему сейчас было не до чтения и арифметики, но гость мог об этом и не знать. Почему тогда он в этой части двора?

– Я вас не узнала господин Рю. Прошу меня простить. И, да, я хотела сказать спасибо за книгу. – Касеноко коротко поклонилась. – Вы же знаете, что Хитоши болен? Не думаю, что он сможет присутствовать на занятиях.

– Да…– молодой человек замялся, а затем добавил. – Я знаю, вернее, я только узнал. Вот, возвращаюсь. Очень жаль, конечно, что оплату я сегодня не получу, но я рад, что книга тебе помогла. Знания великая сила, правда? – Он искренни улыбнулся, из-за чего его открытое лицо будто бы засветилось изнутри.

– Да, разобрала трудные иероглифы, все благодаря вам. Но я вынуждена идти. Молодая госпожа меня ждет, – Касеноко еще раз поклонилась и пошла по тропинке к дальнему

входу в сад Света.

Госпожа сидела в беседке, правда теперь разместилась в резном бамбуковом кресле, расплела волосы и забавлялась, подкидывая верх замысловатые заколки с крупными аметистами. Камни на солнце поблескивали, а девушка вертела ими, словно ей было не семнадцать лет, а все семь. Настроение у нее похоже улучшилось, теперь она отослала Касеноко, а указала на пустующую скамью.

– Ну, чего молчишь. Расскажи, что в городе происходит. О чем люди говорят? Как погода в конце концов. Ну, Ноко, мне скучно. – Девушка состроила недовольную гримасу и забралась в кресло с ногами.

После того, как госпожа Такахаси год назад скончалась, ее старшая дочь оказалась в некой изоляции и откровенно маялась от безделья. Вышивание на золотых пальцах ей не нравилось, игра на кото не вдохновляла – от зажимания струн краснели пальцы, а долго гулять по небольшому садику быстро надоедало. После недавних волнений в поселении, вызванных нехваткой риса, господин распорядился не отпускать дочь на улицу, даже с сопровождением. Вот она и изнемогала в неволе от безделья.

– Да разве я слушала, о чем люди говорят, госпожа. Корабль торговой мануфактуры вернулся. Должно быть, скоро отец преподнесет вам что-то диковинное. Может быть, наряд, в котором разгуливают барышне в Африке? Или шляпку из самого Лондоне. Я видела отличный рулон шерсти сего-

дня. Осмелюсь предположить- он с корабля? А еще, я обратила внимание на забавные разноцветные штуковины, с которыми играли дети. Мельница, да похоже на лопасти мельнице. Только маленькой и надетой на круг.

– Ткани, платья. Будто я этого и здесь не видала.

– Так господа, я только по торговой улице и ходила, что мне было еще запоминать? Пересчитывать лоточников?

– Придумала тоже! Касеноко, я же видела, как ты с привезенными детишками болтаешь. Тебе что ли сложно поразвлечь свою госпожу?

– Детям, которых привозят вашему отцу, я рассказываю сказки. Понимаете, им страшно. Многие из них…– Касеноко внутренне начала вести отсчет, чтобы успокоится-возникала вероятность, что она повысит голос на госпожу. —… остались без родителей, голодали. Совершенно не понятно, что их ждет дальше. Единственное, что я могу, это рассказать историю. Что-то родное, чтобы на время усмирить тревогу, печаль и злость. Это не забава, понимаете?

– Ну и у меня тревога, неужели не ясно? – девушка снова состроила недовольное лицо и скрестила руки на груди.

– Вы хотите слушать дикарские байки? Что же на это скажет ваш отец? Да он меня выгонит , едва я закончу говорить.

– Не выгонит. Ты при мне уже полгода, я тобой довольна. А пока я довольна, тебе можно не беспокоиться.

Касеноко сжала губы и постаралась унять поднимающейся внутри ураган. Иногда девушка недоумевала, почему в

ней все клокочет и рвется, когда она вынуждена кивать. А соглашаться необходимо всегда, даже ей это не нравится. А внутренний вихрь, кажется, так и не утихал. Каждый раз поднимался и стремился выбраться наружу.

– Ну, если вы меня не выгоните, тогда я расскажу вам историю. Только пообещайте, меня не перебивать?

– Хорошо – хорошо, начинай.

Касеноко глубоко вдохнула, перевела взгляд на зеркальное озеро и начала.

Глава 3. Совесть

Мир не существовал до Бога. А Бог не существовал до мира. Однажды разверзлось небесное нечто, вышел из него Пасе камуй. Был он единственным в безвременье, но быстро ему надоело такое положение дел. И тогда он выдохнул воздух – тот завертелся, закрутился и собрался в остров. Посмотрел на него задумчиво Бог и уронил на него свой волос – выросли на том острове высокие деревья, куда выше тех, какие мы можем видеть сейчас. Но сложно было им держаться за голую землю. Тогда Пасе камуй плюнул на остров. И появилось рядом с лесом круглое озеро, от которого по всей поверхности, потекли большие и малые реки. И все было хорошо в том месте, созданным богом, но слишком тихо. Тогда Пасе камуй взял немного земли с острова, смешал ее со своей кровью и слепил несколько фигурок. Поставил их на остров. Так появились первые животные и птицы. Тюлень тут же забрался в море, которое успело собраться вокруг острова, синичка, стремительно поднялась в небо, возникшее после первого урагана, а медведь, самый умный из животных, ушел поглубже в лес, чтобы жить там в спокойствие и сытости.

А из пореза на руке возникшего, когда Бог неосторожно задел ладонью пик горы, в морскую воду попала струйка крови. И скоро из пучины поднялся дракой. Он был длин-

ный, подвижный и красный. С золотыми и сверкающими, как солнце глазами. У дракона не выросли крылья, как у птицы, ибо рожден он был в иной стихией. И поплыл он по бесконечному морю, окружающему землю. Плавал так дракон сотни лет, но однажды все же выбился из сил и решил отдохнуть. Сложно было лежать на воде, тогда он собрал песок со дна и улегся на него. И уснул.

Спал дракон долго. Накопилась вокруг его тела много пыли и водорослей. Выросли из этого мусора горы, поднялись леса. Появились звери, перебравшиеся с самого первого острова. А дракон все спал и видел бесконечные сны о полете. А тем временем мир, который теперь стал так велик, что Пасе камуй не успевал за ним наблюдать, рос сам по себе. В реках завелась рыба, в море появились моллюски, прибрежные скалы заняли белые чайки. А медведь, уставший застревать между деревьями в лесу, встал на две лапы. Научился он делать первые шаги. Затем побежал. А потом запел. И как только песнь вырвалась из его пасти, он тут же обратился человеком. Снял меховую шубу, надел удобную одежу из березового лубка, обул чуни из шкуры нерпы. Так появился первый айн. А за ним еще и еще. Поняли айны, что жить рядом, удить рыбу, собирать ягоды и охотится на зверя – очень хорошо. Так бы они верно и жили, если бы не глупость и жадность.

Жил в небольшом посылочке неудачливый айн-охотник. Не получалось у него приносить в поселение много дичи. То

стрела летела криво, до птица была проворнее. А у нерп вовсе имеля непробиваемая шкура. На медведя же горе-охотник боялся идти. И подумал тогда охотник, что нужно ему подняться повыше, чтобы поглядеть, куда же его добыча бежит. И тогда-то он не даст ей ускользнуть от своего меткого выстрела. Долго шел охотник, и вот наконец впереди показалась высокая гора, а рядом с ней летали большие белые птицы. Решил охотник пострелять в них. Только стрелы его летели все мимо и впивались в гору. Так охотник стрелял, пока земля под ним не начала трескаться. Разверзлась гора, а оттуда показался золотой глаз дракона.

Испугался охотник, и что было сил побежал с горы. Но уж очень был зол дракон, оттого что его разбудили. Выполз он из кокона гор и лесов, которыми оброс за столетия, да погнался за охотником. А тот не таким уж и глупым оказался- залез на самое высокое дерево- туда, где его морской дракон не достанет. И просидел там три дня и три ночи. На четвертый вернулся в свое поселение и рассказал о драконе, который теперь не даст им жить спокойно, съесть всю рыбу и выпьет всю воду. Поднялась тогда его родственники и пошли к той самой горе, где он и повстречал дракона. Исчезла единая земля, созданная Пасе камуем, раскололась она на кусочки. Ничего не оставалось айнам, как поплыть на самый большой остров. Забрались они дружно на холм повыше, да там и обустроились. Так появились японские острова и самый большой из них – Айна мохере – земля айнов. Сейчас

мы живем на этом острове и называем его Хоккайдо.

А дракон так и не успокоился. Оставил он на тех островах куски шкуры, а без нее больно ему плавать по соленому морю. Вот он и гневается, отчего земля сотрясается снова и снова. Говорят, в конце времен, обезумевший от ярости дракон вынырнет из морской пучины, чтобы проглотить солнце. И чтобы мир не погиб, надо вернуть ему заветную шкуру, сшитую золотыми нитками. Уж очень дракон падок на сверкающие вещи.

Касеноко закончила рассказ и поглядела на госпожу. Странно, но та выглядела озадаченной и даже несколько испуганной. Совсем это было на нее не похоже. Но вскоре привычное устало-равнодушное выражение вернулось, и она фыркнула:

– Тоже мне сказка. Про глупого айна и тупого дракона. А где же здесь император? Сегуны, благородные самураи? Наконец, прекрасные девы… А, ну какие у вас прекрасные девы. Если самая красивая из айнов, которых я видела – это ты. Да уж. Совсем ты не умеешь рассказывать сказки. Иди уже, что ли. А белье оставь в моей комнате. И распорядись, чтобы обед мне в беседку подали. Касеноко! – Почти взвизгнула госпожа, – Что-то я не слышу почтительного согласия?

Касеноко медленно поклонилась, прилагая все силы, чтобы не выпустить в мир свой непокорный ветер, взяла корзину и сказал:

– Хорошо госпожа. Могу ли я после пойти на аудиенцию

к господину Томо? Он должен прибыть к вашему отцу с бумагами и … товаром.

– Иди уже, не хватало еще. чтобы любимый секретарь отца был недоволен. Правда…знаешь. Тебе не стыдно показывается в таком виде перед господином Томо? Он благоволит тебе, а ты выглядишь как отребье, – Кимико грациозно выпорхнула из кресла и поманила Касеноко за собой. – Пошла, у меня сегодня хорошее настроение.

Касеноко не была уверена, что понимает значение слова «благоволит». Господин Томо был очень уважаемым человеком, образованным и добрым, но не родовитым. Его отец работал то ли кузнецом, то ли конюхом у дедушки Кимико, вроде бы даже приходился ему родственником. А мальчика по воле господина оправили учится заграницу. Там его обучили и счету, и ведению бумаг, языкам. У него даже имелся титул, пожалованный императором, за помощь с налаживаем торговых отношений. Господин Томо стал одним из тех, кто имел вход в парламент- Кадзоку[9]. Только вот поборники традиций, проде господина Такахаси так и видели в нем сына конюха:

– Да что же вы говорите, госпожа…

Но Кимико уже не слушала, она быстра шла на свою половину. Там она распахнула комод, украшенный резьбой из перламутра, и недолго думая, достала синюю юкату с фиолетовыми разводами.

---

[9] Сформированная в период Мэйдзи новая японская аристократия

– Держи, мне этот цвет совсем не идет. Да и ткань какая-то, я не знаю, дешевая. А ты надень. Все лучше, чем твои драные мужские штаны и перештопанное хаори. Ну же? Чего ты ждешь?

Это была красивая вещь, стоившая минимум месячного жалования Касеноко, которое приходилось делить с бабушкой. И ей ее отдавали просто так? Из жалости? Из глупости? Или еще по каком-то причинам?

– Госпожа…

– Не спорь. Просто надень. А свое добро носи в другие дни, когда не работаешь в главном доме. Ну, чего замерла. Переодевайся, тебя там ждать не будут, поторопись.

Кимико подошла к окну, аккуратно уселась за стол и, как ни в чем не бывало взялась за письмо. А Касеноко поторопилась. Пускай юката не имела столько слоев сколько кимоно, но она сковывала движения. А со всеми этими переживаниями, пустыми разговорами и странными умозаключениями молодой госпожи, она действительно опоздала.

Благо господин Такахаси и сам не очень-то спешил в зал для аудиенций, где около невысокого столика, положив на него кожаный портфель и толстую папку с документами, сидел секретарь Томо. Ему было слегка за тридцать, он носил очки и зачесывал черные волосы чем-то блестящим. Европейский серый костюм, как всегда, был идеально подогнан, а причудливая обувь, которой едва ли порваться с десяток человек в городе, дорого поблескивала.

– Прошу прощение, за опоздание. Меня задержала работа, – Касеноко низко поклонилась и подняла глаза на секретаря.

Он смотрел прямо на нее и не мигал. Сложно было определить значение выражения его лица, но девушка сказала бы, что господин Томо глубоко потрясен или даже напуган.

– Не извиняйтесь. Хозяин, как всегда, задерживается, поэтому вы вовремя. Я…– он замялся. – Думаю, вы сегодня выглядите под стать молодой госпоже.

Девушка задумалась. Был ли это комплимент или же завуалированное оскорбление? Стоит ли за это благодарит?

– Она щедро одарила меня сегодня, в общем-то из жалости. Или из хорошего настроения. Но такой красивой одежды у меня никогда не было. Это правда. Мне велено теперь приходить так на встречи с вами.

– Зачем это?

– Чтобы бы не зря мне благоволили. Я не уверена, что понимаю значение этого слова.

– То есть. Ваша госпожа считает, что я имею к вам некое особенное отношение? Хм. Возможно. А может быть, я всегда возвращаю добро…– мужчина встал.

В комнату через раздвижные двери в задней части помещения зашел господин Такахаси, как всегда медленно и грузно. Одутловатое лицо покрывала сетка старых шрамов, а в кармане тяжелого шелкового хаори поблескивали золотые часы на цепочки. Словом, мужчина всем видом олицетворял

состоятельность.

– Здравствуйте, здравствуйте. И с чем же ты сегодня пришел, Томо? Надеюсь, уже разобрался с товарами со «Смелого»?

Касеноко медленно написала первые символы на бумаги. На ее крошечном столике в углу всегда стояли чернила и кисти. За аккуратные отчеты секретарь хорошо платил.

– Разобрался, хотя судовой журнал ваша команда вести совершенно не умеет. – Мужчина открыл черную папку и извлек нужные листок. – Удалось полностью продать закупленные ранее шелк, так же неплохо ушли гравюры местных мастеров, удалось продать пару бочек вяленой рыбы – ее приняли за японский деликатес. Расшитые кимоно пользовались спросом, хотя кое-что и осталось. Хорошо, что мы взяли всего понемногу и не прогадали. Думаю, в следующий раз надо делать акцент именно на ткань и искусстве. Например подумать, как перевозить фарфор. Вазы тонкой работы могли бы хорошо продаться. Если коротко, до выплаты жалования команде и ремонта корабля, прибыль составила, около став двенадцати процентов, что безусловно, неплохо. Но можно и лучше.

– Думаешь, стоит продолжать?

– Думаю да, наша страна все еще не до конца оправилась от войны с русскими. Дорогие вещи – первое от чего откажутся в пользу крова и еды. А вот Европа, похоже, в самом расцвете. Отличный рынок. Отличный корабль, чтобы вы-

держать долгий путь.

– Что ж. Тогда продолжай. А что же с моими подопечными?

Секретарь достал еще один листочек и откашлялся:

– Десять мальчиков, которых устроить на одну ферму, умерли с разницей в несколько часов. Доктор сказал, что их организм не смог справится, привыкнуть к условиям и паразитам. Возможно, дело в животных. Напротив, среди тех, кого отправили на рисовые поля большинство живы, умер только один старик и тот от старости. Хозяева ферм платят за работников своевременно. Так что в целом, мы не в накладе. И еще… – Секретарь снова открыл папку. – Удивительная история тут произошла. Юг Сахалина уже некоторое время принадлежит Японии, а близлежащий маленькие островок до сих пор никто не обследовал, будто бы все это время и не замечали. Вот команду отправили проверить, пригоден ли остров для жизни. Надеялись люди по твердой земле пройтись, да свежей воды попить. Спустились, вышли на берег, а там на них напали. Хоть и вооружен был разведывательный отряд, но неожиданность сыграла на руку нападающим. Оказалось, на острове крепко обосновались айны. Ума не приложу, как уж они там оказались, но сам факт, что там жили целыми семьями. Дети уже взрослые были.

– Ну и что? Скольких доставили.

– Ну удивление несговорчивые попались жители. Все, как один, кинулись защищаться. Разве, что некоторые женщины

погибли, по излишней, хм, старательности команды. Но привезти двоих детей. Я перекупил их у капитана. Вы ведь за каждого ребенка айна лишнюю йену обещали. Вот команда и расстаралась. Дети во дворе. Касеноко их обустроит, как всегда. Но вот в чем вопрос, остров-то свободен. И, как доказали айны пригоден для жизни. Вы бы обговорили этот вопрос?

– Считаешь хорошим вложением?

– Земля – всегда хорошее вложение.

Такахаси потер подбородок и довольно ухмыльнулся:

– Поговорю с нужными людьми, узнаю про остров. И про то, как он может оказаться нам полезен.

– Тогда на сегодня все. До четверга, господин Такахаси, – секретарь Томо убрал папку со стола.

– До четверга, – произнес глава гильдии и потянулся за золотыми часами.

Касеноко вышла, почтительно поклонившись и остановилась рядом с секретарем. Отдала ему несколько исписанных листов.

– Вон стоят твои подопечные, под деревцем. Разместишь, как всегда, у старухи Мацу, на крайней улице. На следующей недели я пришлю людей, чтобы их отвезли.

– Поняла вас. Сделаю.

Касеноко выскользнула из зала для аудиенций и сразу же повернула к раскидистому клену, что разросся у главных ворот. Под ним сидело двое. Худой чумазый мальчик с больной

ссадиной на лбу и маленькая девочка, склонившая голову ему на колени. Девушка подошла поближе к детям и неловко присела на корточки перед ними. Мальчишка дернулся назад, тут же принялся искать что-то рядом. Но у него оказались связаны руки. А девочке едва осталось лежать. Очевидно, ей было по-настоящему плохо. А мальчик с ней такой нездоровой на руках далеко бы не убежал.

– Не бойся, – сказала девушка на общем языке. – Я не причиню вам вреда. Я просто хочу сделать для вас все, что могу.

Обычно дети реагировали одинаково – старались убежать или напасть. А этот взъерошенный мальчишка со слипшимися от крови волосами, замер. Внимательно смотрел на нее и почти не моргал.

– Можно попросить воды для моей сестры? Ее рвало все утро. Ей нужна попить, уважаемая Фудзи.[10]

Косенки вздрогнула. Мальчик принял ее за богиню Огня, покровительницу детей и домашнего очага. Безусловно, это было лестно, только она-то никого не защищала. Она провожала их в лапы смерти.

– Пасе камуй тебя сохрани, мальчик. Меня зовут Касенко. Я такой же человек, как и ты. Сейчас мы напоим твою сестру и пойдем в дом.

Когда же девушка вернулась с ковшом воды, она услышала, как мальчик напевает девочкой колыбельную. Она оста-

[10] Богиня огня и домашнего очага в айнской мифологии

новилась ,ощущая как по коже побежали мурашки. Это был коверканный русский, такую же пела над ней бабушка, этих слов никто из местных айнов просто не мог знать. Где мальчик с обособленного острова мог ее слышать? Девочка жадно пила, припав к краю ковша высохшими губами. Ее бледное лицо постепенно приобрело легкий розовый оттенок. Она приоткрыла глаза и улыбнулась Касеноко:

– Спасибо.

И тут лживой богине захотелось плакать. Девочка так искренне ее благодарила, что стало стыдно. За красивую юкату, за спокойную жизнь, за работу, которую она считала почетной. Что почетного может быть в сопровождении детей, половина из которых никогда не вырастет на этой земле. Ей надо пережидать… Все же хорошо. У нее все отлично. Она не злится и не плачет. Она ждет свой Восточный ветер.

– Меня зовут Мошир. А это – Лайя. – Мальчик еще раз посмотрел внимательно в лицо девушки и сказала, – В твои глаза словно спрятано сердце моря. Ты правда похожа на богиню. Значит, тебя прислала мама!

– Пожалуйста, сильно не радуйся, я не такая всемогущая, как тебе кажется. И не такая взрослая. Я просто делаю, что могу. И вот, съешь, прежде чем идти. – Она покопалась в корзине, в которой лежала ее потрепанная одежда. – И для сестры возьми. Аккуратно ее покорми после.

Она протянула рисовый шарик, обернутый в водоросли. Руки у девушки дрожали. Каждый раз, когда она провожала

свезенных айнов, у нее внутри что-то ломалось и стучало. Тук. Тук. А надо было терпеть. Не показывать виду. И ждать. Но сколько же можно ждать? Девочка находилась в полузабытье. Мальчик прижал ее к себе и встал. У него не было обуви, а ноги, за то время, как они шел а от пристани, успели покрыться царапинам, на левой пятке виднелась рана.

Три года назад, когда клены стали красными как кровь, а им с бабушкой пришлось туго затянуть пояса, она подала голос, чтобы помочь в первый и последний раз. Тогда улица, где стояла их жалкая хибарка наводнилась переселенцами. В западной части острова произошло что-то плохое, из-за чего айнов силой перегнали в эти места. Их бросили в чистом поле, без еды, инструментов и одежды. И велели ждать. Касеноко тогда думала, почему же они не уходят? Не сбегают? Им некуда были бежать. Пришлось обустраиваться. И Касеноко неделями напролет слушала, как они роют землю, хватаясь за жизнь. А потом их стали уводить. Они исчезали семьями. И это навевало ужас. Неопределенность оказалась куда страшнее регулярных ссылок на работы. А еще она боялось, что исчезнет Самапе. Высокий мальчишка с большими добрыми глазами. Его с отцом подселили к ним с бабушкой за кусочек золота. Мужчина смог вручить надсмотрщику крупный самородок, попросив что-то придумать с жильем. А что может быть лучше крыши над головой и очага с висящим над нем полным котелком? Той осенью ей казалось, что пришла весна. Удивительное было чувство – только глянешь

на возящего с деревом мальчишку и сердце замирает. Касеноко подумала, что она нашла настоящую любовь, о которой перешептывались служанки и барышни. Отец и сын работали на заготовке леса, как и многие переселенные мужчины, поэтому их регулярно уводил подальше от города. Работать надо было усердно и много. Бабушка говорила – тупая работа заставляет забыть упрямство, потому японцы так изнуряют айнов.

Но весна имеет свойство заканчиваться неожиданно. На Вакканай опустилась зима и забрала Самапе. Он заболел. Сильно заболел, чем-то внутренним. Его отец раздал уже все свое золото и каждый день умолял надсмотрщика о милости. Но кто услышишь один голос, когда воют тысячи? Тогда-то Касеноко, полоскавшая белье для Такахаси, завидела господина Томо. Все в доме знали, что он занимается документами эмиси, то есть буквально держит в руках все их жизни. Девочка улучила минутку, дождались, когда мужчина сделает доклад и пойдет к воротам. Она бросилась ему наперерез , перекрыла дорогу и с вызовом заглянуло в лицо. Секретарь Томо замер. И Касеноко решила, что это хороший знак.

– Пожалуйста, господин. Будьте великодушны, проявите милость. Позвольте отправить больных людей с улицы айнов на излечение. Господин?

Господин Тому все еще молчал и глядел на нее, словно собираясь прожечь в ней дыру. И затем наконец вымолвил:

– Откуда ты взялась девочка? И почему знаешь о невзго-

дах этих варваров?

И Касеноко начала говорить. Она говорила долго. А когда замолчала, то услышало лишь короткое:

– Что ж, похоже прошлое меня не отпускает. Приходи к воротам в четверг. Пойдем с тобой к айнам, переведешь мне.

Но до четверга Самапе не дожил. Умер ночью, в самый темный ее час. Пламя в очаге колыхнулось. Бабушка, спавшая около него тут же, проснулась и, не вставая, сказала встревоженной внучке.

– Пасе камуй забрал его душу. Надо бы спеть песню. Мано? Слышишь?

Самапе ей еще долгое время снился. Даже когда секретарь Тому понял, что знающая язык девочка оказывается куда полезнее надсмотрщиков, понимающих два десятка слов на айнском. Даже когда отец Самапе исчез, как и другие люди, жившие на голой земле. Даже сейчас в дни, когда слова готовы были вырваться наружу, Самапе ей грустно улыбался из другого мира и шел в сторону леса. Больше она не пыталась помочь. Только ждала и глушила гнев.

Мальчик отставал, останавливался и снова шел. А потом он снова запел колыбельную. И Касеноко обернулась. Слова вырвались прежде, чем она успела подумать:

– Давай ее мне. И идем… ко мне домой. Ну же. – девушка взяла малышку на руки и указала головой налево. – Нам сюда.

Улица айнов находилась на окраине. Когда-то давно здесь

жили слуги из богатых домов, а после русско-японской войны осталось много свободных хижин и их заняли переселенцы. Как-то само собой вышло, что здесь стали оставаться первые айны, те, которых еще не сгоняли на работы, а пытались вразумить и очеловечить.

Хижины здесь были под стать владельцам. Мало какая напоминала классические жилища японцев. Это были темные деревянные хижины из грубого бруса. Правда в последнее время все же преобладали землянки. Но дом Касеноко напоминала просторный сарай с односкатной крышей. У них даже окно имелось, правда его часто держали закрытым. Одна комната, каменный очаг и небольшая кладовая – вот и все, что имелось в распоряжении у нее и бабушки.

Девушка прошла через двор, открыла покосившуюся дверь и внесла больную девочку внутрь. Бабушка помешивала ароматный суп из свежего минтая, когда внучка аккуратно опустил айнку на бамбуковый лежак в углу комнаты.

– Бабушка. Они побудут у нас несколько дней, пока девочке не станут лучше. Это вот…

Невысокая крепенькая женщина с редкими седыми прядями в длинных, подвязанных около лба волосах обернулась на голос. Выронила деревянную ложку из рук, охнула, быстро поднялась и подбежала к гостю. Схватила гостя за грязный рукав и заглянула лицо:

– Откуда ты, мальчик?

Глава 4. Топограф

Владимир Игнатьевич Васильков очень хотел, чтобы хотя бы младший из его четырех сыновей отправился служить Богу. Была у отставного капитана долг перед Всевышним, тот не дал ему погибнуть в мясорубке при обороне Петропавловска-Камчатского, который пришлось позорно сдать англичанам. Раненого и почти обездвиженного мужчину нашли случайно отходящие. В госпитале говорили, что Владимир родился в рубашке. Но все произошло благодаря молитве, как считал сам пострадавший. Матушка, уроженка этих краев, научила сына произносить верные слова, чем спасла ему жизнь. В бреду раненый обещал, что отплатит, обязательно не останется в долгу перед Богом, если тот снизойдет и пошлет помощь. Поэтому, вместо спокойной службы на Балтике, которую сулили молодому военному за проявленную доблесть в боях, он с тогда еще небольшим семейством перебрался на голые камни в новый город-крепость Хабаровск, чтобы возвращать свой долг так, как умел – верной службой. Старшие сыновья до сих пор сокрушались, что отец лишил их разгульной молодости в столице, а жена с тоской вспоминала о пышных приемах. Но сам Владимир Игнатьевич не жалел о том, что его жизнь сложилась подобным образом.

Но дети, безусловно, добрый и умные, выбрали иную дорогу, в целом, достойную и почетную. Он не препятство-

вал, только вздыхал и помалкивал, наблюдая за их жизнями. Только младший – Алеша стоял особняком. Его не прельщала воинская слава, к которой стремились старшие братья, не интересовал сверкающий Санкт-Петербург, где он учился несколько лет безвылазно. И даже милые барышни в многослойных платьях, смущающиеся при виде блистательного выпускника морской Санкт-Петербуржской академии. Нет, его интересовало море с бесконечной глубиной и простором.

Вот и сейчас, за столом в родном доме, за ужином, который старательно приготовила взволнованная хозяйка, видевшая своего младшенького и особо любимого ребенка, первый раз за шесть лет, он читал книгу. Старшие сыновья, уже давно обзаведшиеся собственными семьями и разлетевшиеся по гарнизонам Дальнего Востока, навещали родителей редко, единственная дочь – Даша осталась с новорожденным внучком, и за столом их было только трое. Четверо, если считать вездесущее Алешино море, немым призраком летающее вокруг молодого человека.

Когда сын еще ниже склонился над пожелтевшей страницей с рисунком, отставной капитан в очередной раз проклял себя за собирательство книг, прокашлялся и произнес:

– Я вот не пойму Алексей, неужели книги эти твои ученые, тебе за столько лет в академии не опостылели? Неужели ты не хочешь посмотреть на родителей? На мать? На дом родной, в конце концов! – старательно сдерживая себя, проговорил Владимир Игнатьевич.

Алеша поднял на него безмятежно-голубые глаза, моргнул и искренне улыбнулся. Его светлые ресницы, брови и волосы как-то сами собой засветились, делая его похожим на мальчика двенадцати лет.

– Да что вы, тятя. Я просто зачитался. Я же говорил вам и вам, матушка, что у меня приказ, вернее предписание. Отправляют меня младшим топографом при экспедиции. К берегам Сахалина. Я-то дурень ничегошеньки и не знаю. Вот, наполняюсь знаниями в каждую свободную минуту. А то ведь в начале следующей недели мне отбывать.

Раскрасневшаяся мать всплеснула руками. Ужасно одинокая после отъезда детей, она так ждала возвращения своего мальчика, который кажется, совсем не изменился. А он вот, снова отправляется куда-то в неизвестность. Снова ей ждать его и молится о нем. Кто же кроме нее? Ведь ее младшенький, двадцатичетырёхлетний ребенок так и не женился еще, положив себя на алтарь этой непонятной науки под названием топография.

– Да как же это, Алёшенька. А как же ужин у Анатольких? А как же крестины Ванечки, Даша бы очень хотела, чтобы ты пришел.

– Да что ты начинаешь, мать, – Василий Игнатьевич одернул раскудахтавшуюся жену. – Видишь же – у него приказ. Он у нас, хоть и своеобразный, но все же военной. Вот пускай поедет, послужит. Глядишь, вся эта дурь про подводные экспедиции из головы -то и вылетит. Тоже мне подумал, хо-

дить по дну океана. Начитался своих французских книг. А в них только глупости пишут для барышень недалеких, похуже наше Даши.

Алеша наконец отложил увесистый томик, выловленный в отцовской библиотеки. Молодой человек вырос, и при полной форме вполне бы мог сойти серьезного человека. Только он им совсем не являлся. Алеша не мог спать на незнакомому месте, плохо переносил долгую дорогу и холодную погоду. В детстве, едва начиналась затяжная осень, отдающая влажностью и прелой листвой, мальчик сразу же оказывался в постели с температурой. Ну и куда же он поедет?

– Да вы же не понимаете, тятя. Меня рекомендовали. Мой профессор, между прочем. Лично лейтенанту Бережному, он известный в санкт-петербургский кругах картограф. Он набирал знающих людей. Вы только представляете? Какая это возможность! Сколькому можно научится, – Алеша подскочил со стула и подбежал ко все еще вздыхающей матери. – Маменька, да это же всего на полтора года. Зато, когда я вернусь меня обещали направить на Белое море!

Кажется, Клавдию Георгиевну, это ничуть не успокоило. Она только поплотнее прижала платок к глазам и отмахнулась от взъерошенного сына.

– Иди- ка, сын, во двор, воздухом что ли подыши. Ну или еще чем себя займы, а то лопнешь. Будет сложно потом твой запал собирать. А мать пока успокоится.

Это была старая тактика. Алеша действительно отличался

способностью сосредотачивать внимание на чем-то одном. Картину целиком, например, расстроенную мать или постаревшего отца, он будто бы и не замечал. Он глядел куда-то за горизонт, пока его ни вразумляли братья. Особенно хорош был в этом Паша, третий сын. Внимательный, серьезный и очень занятой. Он просто давал раздухарившемуся Алешке затрещину или пихал в плечо. Но кто же будет останавливать этого фанатика на корабле?

Но Владимир Игнатьевич продолжал думать о сыне, как о ребенке, а Алексей таковым уже не являлся. Его закалила академия, оздоровил режим и облагородили сокурсники, научившие замкнутого, странноватого юношу вести обычные человеческие разговоры. Да, он позволил себе некую вольность дома, среди привычной и такой спокойной обстановки, не отдающей казенщиной и казарменными щами. И к Даше он непременно заглянет, и на ужин к Анатольским тоже. Там должна быть милая Маша, которая не отвечала на письма. Сколько он их отправил? По письму в неделю и так шесть лет, хватило бы чтобы сберечь приличного размера рощицу. Мысли о девушке перескакивали с одного на другое. С глубоководных погружений на обитателей тропических морей, с биографии знаменитых путешественник, на собственную бытность, на размер предстоящего жалования и грядущие перемены в размеренной и известной заранее жизни.

Крошечный дворик, в детстве принадлежавший старшим братьям, и потому такой желанный, утопал в аромате отцве-

тающего маральника. Кусты , усыпанные крупными лилово-розовыми бутонами, разрослись и беззлобно теснили забор и деревянные постройки. Казалось, еще немного они заберутся в дом, претендуя на крышу над головой. На душе вдруг стало звонко и свежо, будто вся горячность, нетерпения и нервный восторг растворились в майском вечере. Через четверть часа, порядком остывший молодой человек вернулся к столу, поцеловала руку матери, коротко извинился перед отцом и пообещал сделать все необходимые визиты. На что Владимир Игнатьевич только довольно сощурился и умиротворенно закурил, погружая столовую в табачный кумар.

У Алеши было еще пять дней отпуска, за которые надо было вдоволь надышаться домом, чем он старательно и занимался. Ему пошили новые нательные рубахи, изготовили сапоги, приготовили несколько комплектов теплой одежды. А главное – выправили переносное бюро. Молодому человеку казалось безумно важно иметь свой собственный инструмент, который он сможет переносит и устанавливать в любой точке. Правда, требовалось ли оно, было категорически не понятно. «Лучше больше, чем меньше» – решил он, расплачиваясь последними накоплениями. Все это не важно – главное экспедиция.

Алеша много гулял по недавно появившимся улочкам небольшого городка, вдыхал влажный, стойкий рыбный дух, разносившейся по набережной в утренние часы. Забирался на холмы и горки, откуда хороши был виден блестя-

щий Амур, как всегда перетянутый бечевкой редких деревьев. Хабаровск казался островом, возникшем между складок древней реки. Еще молодой человек смотрел на солнце, расписывающее небо цветами палевыми цветами. В Санкт-Петербурги такие закаты были редкими и короткими, здесь же, казалось, Солнце каждый вечер разливает на небе крепкое вино, желая напоить мир красотой.

Отец и матушка, преследовали более приземленные идеи. Водили сына из дома в дом, от одного отцовского сослуживца к другому. Там его уважительно хлопал по плечу, одаривали парочкой слов и оставляли с молодой компании, состоящей преимущественно из людей ему малознакомых. Юнкера, направленные в отпуск, молодые люди местной учености, выросшие с домашними преподавателями и, конечно, же барышни, томно хлопающие длинными ресницами. Матушка надеялась, что удастся познакомить сына с достойной девушкой прежде, чем он направится на Белое море. Но дам Алеша особо не различал, не понимал их кокетства и оттого в разговор был удивительно скучен. Его беспокоил только один факт- Маши Бельской нигде не было. Прямо спрашивать он не смел, надеялся встретится с ней у Анатольских, при доме которых она воспитывалась.

Он повидался с сестрой и племянником, живущими в новой части города, недалеко от новенькой школы из белого камня. Разговорчивая и улыбчивая Даша бросилась на шею младшему брату, а потом, уже спокойнее подвела его к пле-

теной ивовой люльке, ворочался Ванечка. Малыш внимательно изучал Алешу такими же, как у него, голубыми глазами, и что-то невнятное рисовал в воздухе пухлыми ручками. Матушку ребенок трогал до глубины души, отца, заставлял коротко улыбаться, а Алеше все происходящее казалось диким. Когда его сестра успела стать матерью, а родители из суровых и авторитетных взрослых превратились в умиляющихся стариков, трясущихся над младенцем. Когда промелькнул этот кусочек жизни, казавшийся ему обыденным, ничем непримечательным? Книги удивительно схлопывают время, к чему же тогда эти ученые разговоры о машине, способной приправлять в прошлое и будущее. Он сам сейчас будто из нее и вылез. И глядел на чужую реальность, вписанную в мир его детства.

И так продолжалось изо дня в день. Разговоры с новыми людьми, беседы с друзьями родителей, и томительное ожидание. Причем не понятно, чего Алеша ждал больше, отбытия на службу или встречи с другом детства. Ведь сколько бы он не смотрел на город, на семью, на соседей все будто бы за время его отсутствия потеряла половину цвета. Что же произойдет, когда он увидит Машу?

Четвертый день отпуска подходил к концу, улица накрылась влажным пологом, поднявшимся от разлившегося Амура. На небе не было ни облачка, отчего находится вне дома, казалось, катастрофически невозможно, а в тени тут же начинала поедать мошкара. Вот и пришлось дожидаться ве-

чернего затишья, чтобы сделать визит. Анатольские жили на противоположной стороне улице в небольшом, но просторном дом, который выделялся особым изяществом. Виной тому был умелый архитектор, приглашенный из Петербурга по просьбе родовитых знакомых соседей. Именно их дом фотографировали все приезжие журналисты, чтобы сделать репортах о «современно городе», спрятавшимся где-то в лесах за большой рекой, на востоке России. В общем, Анатольским почти удалось воссоздать свою петербуржскую жизнь здесь, в глубинке. Вот и сейчас, в доме звучала музыка и горели электрифицированные лампы – ужасная диковина. Но Алеша старался не обращать внимания на натертый до блеска дубовый паркет или на аромат зажаренного до румяности гуся. Он искал Машу. Ее не было и здесь.

Воспитанница графа Анатольского приходилась ему троюродной племянницей, оставшейся сиротой в тринадцать лет, девочка пошла в графскую породу – те же кудри и тревожные карие глаза, ее приняли в семью, не оставив на произвол судьбы. Только напоминали о положении регулярно, так чтобы она не забывалась. Это выражалась в простеньких платьях, отличающихся от нарядов дочерей графа. И в отсутствии учительницы, которая ежедневно возилась с твердолобыми барышнями, никак не желавшими запоминать залоги французских глаголов. Это сложно было назвать издевательством, скорее разумной экономией. Впервые Алеша увидел Машу на именинах старшей дочери Анатольских, толстой

и розовощекой Клары, которая старательно отыгрывала радушную хозяйку того странного полудетского приема. Дети десяти- четырнадцати лет собрались в сверкающей гостиной. Захара, приставленного развлекать подросших детей, тут же приняли в игру. Братья Клары затеяли возится с оловянными солдатиками, именинница с подругами и сестрами вела светские беседы за чайным столиком, стараясь лишний раз не бросать взгляд на рассыпчатые лимонные корзинки, переливающиеся жемчужными шапочками. Паша исчез где-то на втором этаже, отказавшись возится с мелюзгой, а Алеша забился в угол напротив высокого книжного шкафа. Маша стояла рядом со стеной, увешанной рамками с бабочками. Место за столиком ей не досталось, но напрашиваться девочка, посчитала унизительным. Вот и копалась на книжной полке. Ее темно-синее платье и легкая золотистая шаль делали девушку похожей на диковинную бабочку- Парснику Мааку, находившуюся выше всех образцов. Завораживающая, приливающаяся и одинокая. Алеша тогда подумал, что девушка тоже сидит в своей раме и ее надо оттуда спасть. И он пригласил девочку на танец, по обыкновению, не смотря на сложившуюся ситуацию целиком. В свои тринадцать танцевал он плохо. Из-за чего оттоптал Маше все ноги, что она, к слову, мужественно снесла. А Паша еще долго подтрунивал над малолетним «сердцеедом».

После того неуклюжего вальса они стали молчаливыми компаньонами. Не друзьями, так она попросила. Алеша же

согласился. В хорошую погоду они подолгу сидели на просторной террасе в доме у Анатольских, в плохую – пропадали в библиотеке у Васильковых. Беззаботное время длилось пару лет, а затем из Маши принялись лепить барышню, а Алешу собрались отправить в семинарию, откуда он благополучно сбежал к дяде. А оттуда уже в морскую академию.

– Алеша? – раздался мелодичный голос слева. – Он обернулся.

Перед ним стояла женщина в атласном красном платье, подчеркивающим полноту раздавшегося тела. В ней очень сложно было отыскать прежнюю бабочку- парусника. Но это была она. Только тревожные карие глаза, раньше смотрящие за горизонт, оценивающие оглядывали молодого человека. Вдруг стало обидно за прежнюю Машу, Алеше захотелось спрятать ее в своей памяти и не выпускать наружу, сохранить. Но было слишком поздно.

– Маша? – он машинально поцеловал ей рук.

– Когда-то была, наверное. Уже и забыла, когда меня так называли последний раз. Все Марья Дмитриевна или маменька. Сам понимаешь, надо соответствовать. – Она как-то нарочито повернулась, словно старясь показаться кокеткой, но у нее получился вульгарный, полубезвкусный жест.

– Ты замужем? – только и смог спросил вынырнувший из собственного мира Алеша.

– Вот скоро уж пять лет, Алеша. Уже двое деток, ты представляешь. Мы за городом живем. Я редко бываю в гостях,

не нравится мне все это. А тут, как чувствовала. Как чувствовала, что надо идти. И не прогадала. Тебя увидела. – Она недолго помолчала и как-то совсем по-прежнему добавила, – ты счастлив, Алеша?

До того, как она озвучила этот вопрос, молодому человеку казалось, что он был счастлив. Но так ли это? И в чем это счастье заключается? В книгах ли, которые ему снились чаще, чем люди. Или может быть в супружестве, таком, какое изменяет тебя, выворачивает наизнанку и заставляет сменить природные синие крылья на красные, в угоду чужим вкусам? Или в странствии? В славе? В призвании? В чем?

– Не знаю, Маша. Может быть, иногда. Ты знаешь…– он хотел сказать, что часто писал ей о Петербурге, что привез ей оттуда красивый сборных стихов Фета. Ей должны были понравятся его стихи. Но…

Порой стоило затаить свои мысли и чувства особенно, когда, ни один из участников разговора не хотел говорить правду. Или так казалось? Но что-то застыло в груди и не давало вымолвить всего того, чем он хотел поделится с милым другом своего детства.

–… я отправляюсь в экспедицию. Настоящую, а не те, какие мы устаревали, помнишь?

– Как же не помнить, от меня потом тиной пахло даже после мытья. У меня сынок, ты знаешь, очень умный мальчик. Митей зовут, так книги любить, я читаю их ему и нарадоваться не могу. А он все слушает и слушает. Думаешь, будет

ученым? – как-то невпопад перебила его Маша, покрывшаяся красными пятнами.

Алеша не знал, кем будет сын Маши, но не сомневался в том, что с такой матерью мальчику еще долго не придется задумываться над смыслом слова «счастье».

– Конечно, как же иначе. Обращайся, напишу ему рекомендательное письмецо. Я к тому времени уже сделаю крупное открытие в области океанских недр. Буду седым и степенным, начну курить трубку и сурово глядеть на мир из-под бровей, – Алеша попытался изобразить это.

Маша рассмеялась и стала похожа на себя прежнюю. Но быстро взяла себя в руки, оправила платья, собирающееся от лишних движений на талии, и тепло сказала;

– Счастливого пути, Алеша. Возвращайся. Митя будет очень ждать твоего рекомендательного письма.

– Непременно, – как-то совсем невесело ответил Алеша и поспешно раскланялся.

Он незаметно юркнул на улицу, а там уже и на поблекшую от времени террасу, под одинокую лампочку, выведенную на улицу на радость ночным мотылькам. Они старательно кидались на нее грудью, ломали крылья, еле шевелились, но продолжали это хаотичное, разрушающее и героическое действие.

Алеша подумал, что он будто бы потерялся. Его любовь к морю во многом было создана Машей, ее историями, книгами и мечтами. Ему будто бы не доставало фантазии приду-

мать мечту для себя самого, вот он и взял кусочек Машиной. Она мечтала быть охотницей на тигров или на слонов, а, может быть, и на драконов, если их посчастливится отыскать. Ведь не могли же пропасть все динозавры разом? Девочек не учили на охотников, но Алеша обещал передать ей все навыки. После того, как они стали бы известны на весь мир – перебрались в Азию, там драконы точно когда-то водились.

Он помнил, как впервые всерьез задумался над вопросом, что же скрывается под водой, только после того. как она долго рассуждала о русалках и о японских демонах, что часто видят рыбаки у морского берега, некоторые даже в Амур забираются. Откуда же появляются демоны? А русалки? А золотоносная вода? И таких вопросов было много, очень много. И чтобы не ударить перед Машей в грязь лицом, он начал читать.

Да, если бы не Маша, он сейчас имел бы небольшой приход, возносил бы благодарность Всевышнему и не думал бы о «счастье», которого он выронил где-то из кармана. Жизненная дорога сделала резкий крюк и увела в сторону. Что же случилось с Машей? Почему она промолчала? Может быть, у нее были свои причины, о которых он никогда и не узнает. Столько лет прошло, неудивительно, что только он, в своей стерильной скорлупке морской академии жил прошлым. Настоящее проносилось мимо, увлекая за собой чужие жизни, судьбы и мечты. Это ведь нормально? Так у всех. Судьбу невозможно переписать.

Мотыльки продолжали биться. Алаша посмотрел на не почерневший полностью горизонт, кое-где скрадываемый холмами. Поморгал. И вдруг с ясностью и восторгом понял, что уже завтра он отправится в открытое море, которого он никогда по-настоящему и не видел. А как говорится, где есть море, там, найдется и свет, за которым надо следовать. Ведь так написано во всех сказках?

Глава. 5 Дракон, ветер и шаман

Дома, чтобы помыться, приходилось собирать много-много золы. Женщины смешивали ее с пеплом от водорослей добавляли туда мелко порезанные корни аралии или лопуха – этим полагалось натереться смесью, а затем смыть. То же, что протягивала ему Касеноко, Мошир в жизни не видел. Это был предмет, похожий на идеальный слегка зеленоватый камень. Она предлагала ему натереться камнем?

Мальчик сидел на низенькой табуретке, его аттус лежал на земле, Касеноко собирал положить одежду в деревянное ведро, чтобы постирать. Мальчишке выдали удивительно мягкие штаны непонятного размера и, прежде чем садиться за стол, бабушка велела хорошенька вымыться.

– Ну, чего? Бери же. – И тут до девушки, видимо дошла, что Мошир никогда не встречал сей странный предмет. – Это мыло, его надо намочить и потереть о тряпку, что я тебе дала. Потом провести по телу, полить водой из ковша. Все. Справишься?

Еще бы он не справился, почему она считает его маленьким? Он уже давно мужчина, доказавший гордое звание. Дома у него был металлический. Но он больше не там. Он здесь, на земле японцев, рядом с девушкой похожей на живую богиню. Мама часта говорила, когда молилась глиняной фигурке над очагом, что Фудзи принимает разные обличия. Она

является женщинам, детям, больным и старикам. Она помогает тем, от кого отвернулись другие боги. Без нее не может зажечься огонь или родится ребенок. Она – мать всего теплого, горячего и живого. И она же смерть, забирающая на шесть небес покойников, которых провожают ритуальные песни.

Мальчишка принялся растирать пузырящуюся воду по коже еще раз и еще. Руки щипало. Рана на ступне начала кровоточить, он все продолжал. Тер и тер, старясь смыть с себя запах горящей деревни, накрепко о въевшийся в плоть. А когда вода в ведре закончилась, Мошир заплакал. Это были пустые слезы, лишенные смысла. Они не принадлежали покойным, они не приносились в дар богам, они просто текли и текли, унося с собой копоть, осевшую на сердце. Отец сейчас бы недовольно цокнул и обязательно бы незаметно приобнял мальчика, только так, чтобы мама не заметила. Мама бы окурила какой -нибудь умиротворяющей травой, а сестры бы долго хихикали между собой, а потом уснули бы рядом. Все бы это могло быть, еще пару дней назад. Но не сейчас.

Мошир поморгал. Аккуратно снял штаны, выжал их, снова надел, вытер нос и пошел в дом, чтобы не перекатываться мысли из одного угла мысленной хижины в другую. Он жив, значит надо жить. Он обещал помогать другим. А еще надо позаботиться о Лайе. Мальчишка пошел по пыльной земле и остановился около входа в хижину. Касеноко аккуратно раскладывал аттус на длинном горизонтальном шесте, где

обычно сушили рыбу и кальмаров. Без цветастого наряда, в привычной серо-коричневой одежде она все еще напоминала богиню. Волосы девушка убирала по-японски наверх и закалывала в аккуратное гнездо на затылке, проткнула его както мудрено палочкой. Ее вытянутое лицо, кое-где покрытое веснушками, напоминало камень, который отшлифовало море и ветер. Блестящее, светлое, лишенное всех неверных черт, встречающихся у обычных смертных. Она стала самым красивым человеком, какого он встречал в своей жизни, даже Кета с тонкими запястьями и большими глазами не могла соперничать с его голубоглазой покровительницей. Интересно, сколько ей было лет?

Мошир подошел ближе к чистому аттусу и поежился. Он вспомнил лицо бабушки Касеноко, вцепившейся в рукав его халата. Дело в том, что рисунок, какой айны пускают по краю ткани несет определенный смысл, а главное, почти не повторяется от поселения к поселению. Это что-то вроде родового шифра, который используют все в крошечной общине. Мама вышивала синюю рыбу, высокое дерево и треугольники, выкрашенные корнем солодки. Это были горы. Ну и маленькие синие звезды, которые она прятала над сердцем. Только Мошир не сразу находил их на одежде, даже когда знал, в какой части искать.

Бабушка сразу же их разыскала, провела по рисунку рукой и крепко обняла мальчика. Потом внимательно на него посмотрела и снова задала вопрос. И он ей все рассказал.

Про остров, про маму, про сестер, про бакланов и про пожар. Только про разговор с мертвыми не упомянул, побоялся. А женщина все слушала, а потом резко встала и попросила Касеноко помыть мальчишку и принести ведро воды, чтобы обтереть Лайю. А сама принялась возиться с ужином. На шатающемся столике, посеревшем от времени, стояла три щербатые деревянные миски с супом и блюда с какой-то серой едой. Пока молодежь собиралась, женщина успела напоить малышку супом, сменит ей одежду и заварить для нее травяной сбор.

Касеноко положила вокруг стола плоские подушки и села напротив Мошира. Рядом с мисками лежали непривычно маленькие ложки и палочки. Некоторые в поселке пользовались такими, тогда мальчику этак казалось странным, сейчас он наблюдала как с их помощью девушка с бабушкой принялись есть суп.

– Ну чего ты, супа тоже никогда не видел? – Касеноко подмигнула ему. – В большой миске рис, бабушка его не очень жалует, но тебе надо восстановить силы, поэтому ешь. Только не много, скорее всего, желудку непривычно будет. Ну?

– Что ты пристала к мальчику? Пускай посидит спокойно, поест, как соберется с мыслями. Он сын шаманки, ему можно в любое время с духами безвременья говорить. Не трогай его.

Мошир, как раз взявший первой кусок минтая, тут же его уронил:

– Как вы узнали?

Бабушка только улыбнулась себе под нос:

– Много будешь знать, состаришься, как и я.

– Но вы же не старая! Вот в моем поселении жил дедушка Тукуруку, он – старый. У него были белые, как морская пена волосы, и больная спина. Но он был лучшим охотником.

Бабушка подняла взгляд от миски и протянула:

– По меркам айнов, я уже старая. Столько не жили женщины в моей деревни, столько не прожили ни моя мама, ни бабушка. Я – старушка, что же кривить душой.

– Он поет ту же русскую колыбельную, что и ты. А ведь ее никто из переселенцев больше не знал, – подала голос Касеноко, стараясь увести разговор в другую сторону.

– Да эти колыбельную в моем детстве пели всем детям, надеялись, что так их не придется отдавать в русскую деревню. Мамы думали, что слова засядут в голове и к взрослому возрасту ребенок начнет разуметь и на айнском, и на русском. Вот и пели. Только отдавать все равно приходилось. А потом ждать и ждать. И верить, что твой сын или дочь вернется обратно.

Мошир зачерпнул рис. Он не был похож на белокопытник, ни на коренья, что часто отваривала мама. Это было очень вкусно. Но Касеноко после трех ложек отодвинула от мальчика миску.

– Не перестарайся. Был тут один такой, как ты, из какой-то глуши с севера. На рис накинулся, а потом не мог по нужде

сходить. Даже бабушкины отвары особо не помогали. Умер, представляешь? У тебя живот непривыкший. Дай время.

Мошир боязливо отложил ложку и, чтобы сменить тему, спросил:

– А зачем отдавали детей в чужие семьи?

– А как ты будешь с русскими торговать, если у тебя в деревне никто не разумеет сколько они просят за шкуру? А как ты объяснишь, что тебе нужно ружье? Вот то-то же, а если ребенка отдать в деревню русским, он язык выучивал, много каких штук интересных вместе с ним. А потом, если не погибал от лишений и болезни, возвращался, становился уважаемым человеком. Как это у японцев называется, послом. У меня так когда-то отдали дядьку. Вернулся обратно он один из шести мальчиков, которых отправили в три разные деревни. Бабушка моя рассказывала, что каждый день за него Пасе камуя молилась. Видно, вся удача к нему и перетекла, матери ничего и не осталось. – Старушка ополоснула миски из ковша и налила в них травяной отвар.

– Но тебе, выходит, тоже повезло? – Касеноко отложила палочки, – Ты же, сидишь. Тоже русский знаешь, почему?

– Упрямая была и глупая. А насчет везения. Не знаю, милая. Думается мне, человеку положен такой счастливый, удачный момент, чтобы его вспоминать в тяжелые минуты. А их будет много, очень много. Но ты права, большинству и той пригоршни счастья не достается. – Женщина допила чай и обернулась к спящей Лайе.

– Желудочная болезнь у нее. Не знаю, тиф или нет. Но вы поберегитесь. Почаще мойтесь и окно открывайте, даже если будет холодно. И, – старушка поставила на стол единственную белую пиалу, в которой обычно преподносила дары богам, – кормите ее только из этого. И никому про девочку не говорите, иначе ее сразу и под холмик. Ну, чего так смотрите. Около моря подольше гуляйте. За дровами что ли сходили бы. Раз у нас теперь есть руку и ноги, почему бы их не использовать, скажи? – Женщина принялась собирать посуду. – И да, мойте все в горячей воде, хорошо?

Ребята покивали и быстро вышли. Уже на улице, скинувшей утренней зной, Мошир спросил:

– А что такое тиф?

– Болезнь. Неприятная и заразная. Бабушка ей болела по молодости. Ей большинство айнов болеют, особенно те, что жили обособленно. Главное, чтобы был уход и чистота. Бабушке тогда очень повезло, таких как она в городе было мало. Японцы еще не относились к айнам, как с скоту. Что-то я резко, извини. – Касеноко сделала глубокий вдох. – В общем, сестру твою надо лечить. А тебе надо стараться хорошо есть. Только как это все за неделю успеть?

– А что будет через неделю?

– Отошлют вас. – Касеноко пошла быстрее, так что опешивший мальчишка догнал ее только у тропы,

– Как это отошлют? Куда? Почему ты это допустишь!

Касеноко развернулась резкою, едва не столкнувшись

лбом с Моширом.

– Потому что это моя работа, понимаешь? Моя бабушка так долго живет, потому что у нас хорошая еда на столе, теплая одежда и нужны лекарства. Понимаешь? Я заодно с японцами. Я полукровка, не богиня, совсем не богиня. Я продала свою совесть. Знаешь, что такое совесть? Это то, что страшно ноет, когда больных детей, как твоя сестра, и слабых, как ты, отправляют на работы.

Мошир молчал и внимательно галдел на ее вытянутое лицо. Слеза скатилась по щеке девушки и упала на складку серого хаори. Темное пятнышко почем-то сразу перетянуло внимание на себя.

– Ну, чего ты молчишь. Давай! Ругай! Проклинай! Натрави духов. Так все делают, вся улица. А я…

– Знаешь, у чаек отвратительное мясо? Однажды на острове выдалось время штормов. Рыба не шла, совсем. Сети были пусты изо дня в день. Коренья запасены на зиму, тоже все не поешь. И тогда отцы принялись ловить чаек. Наловили их. Дедушка Тукуруку особенно постарался. И мы их ели. Несколько недель, пока не пошла рыба. Нам не нравилось это мясо, но мы все равно ели. Потому что отвратительное мясо, лучше голодной смерти. Ну и чем же ты от нас отличаешься? Только тем, что нас было много, а ты одна. Но это ничего, – Мошир положил руку на плечо девушки, – Я ведь могу и сбежать с этих работ, правда? А потом приду и женюсь на тебе. И ты престанешь быть одна.

Касеноко рассмеялась, а затем прикрыла лицо руками, стараясь вытереть выступившие слезы. Она так долго хохотала, что Мошир забеспокоился не поселился ли в ней недобрый дух.

– Знаешь, Мошир, спасибо. Ты всегда замуж зовешь кого попало или только мне такая честь выпала?

– Только тебе, – промямлил мальчишка, уставившись на ноги в разваливавшихся сандалах, полученных от бабушки.

– Ну спасибо. За пятнадцать лет еще никто замуж не звал. Думаю, это надо запомнить. Потом буду детям рассказывать. – Касеноко все еще смеялась, поднимаясь на крутой холм. – Давай только чуть-чуть тут посидим, дождемся, когда солнце коснется моря и пойдем за хворостом, ладно?

Все еще смущенный Мошир кивнул и уселся на утоптанный взгорок, с которого открывался вид на море, простирающееся до самого горизонта. На пристани все еще стоял корабль, на котором прибыли дети. Он вышел из сказок деда Тукуруку, у него правда были белые перья и гигантские сети-паутины вокруг них. Но он не нес спасение. Вокруг корабля копошились муравьишки-люди. На другом конце бухты виднелись немногочисленные рыбацкие лодки. Море било о скалы, не обращала внимание на всеобщую суету, а Касеноко глядела вдаль, будто чего-то ждала.

Солнце опускало голову все ниже и ниже, пока наконец не разлеглось на водной глади, раскинув оранжевые руки-лучи во все стороны. Девушка уже собралась уходить, как вдруг

ухватилась за причину остаться:

– Вот смотри, это наш Хоккайдо, остров, один из четырех, на которых находится Япония. Но только здесь живет такое количество айнов, что их уже два десятка лет не могут переловить. Там, – она указала вперед, – Карафуто, русские его еще Сахалином называют. После войны юг тоже принадлежит японцам. Наверное, твой остров был рядом с ним, да? Как он назывался?

– Тодомосири.[11]

– И много там было морских котов, не зря же его так прозвали?

– Я за двенадцать лет видел только двух. Наверное, они перебрались куда-то, где потише.

– Наверное. А, – девушка указала налево, – там Россия. Оттуда привезли мою бабушку. Оттуда должен прибыть Восточный ветер.

– Чего?

– Ты не знаешь этой истории? Вот и хорошо. А то как-то странно рассказывать ее детям. Ты же не совсем ребенок, да?

– Да я, ты вообще знаешь, у меня даже нож свой есть. Я…

– Да верю, верю. Просто она, понимаешь, немного странная. И личная. Ты только ничего не говори потом, хорошо?

– Ладно.

– Говорят, что на только появившейся земле очень долго не было дождя. Пасе камуй о нем не подумал, а без веления

[11] С японского переводится, как «остров морских котиков»

свыше ливень начаться не мог. Тогда начали чахнуть леса, сохнуть реки, моря начало закипать. И дракону, что жил на морском дне стало очень жарко. Он принялся высовывать голову на поверхность, бросаться телом на землю, но легче не становилось. Тогда он решил выбраться на сушу и укрыться под сенью соснового леса. Дракон, что было сили, принялся пробиваться сквозь твердый берег, скрести шкурой о камни. Больно было дракону, пошла из его тела кровь. А он все двигался, пока не выбился из сил и не решил ждать совей гибели. Но кровь его начала течь по той борозде, какую проделала дракон от самого моря. И там, где кровь попадала в море, начали творится странное. Холодная кровь дракона столкнулась с горячей морской водой, отчего родился Восточный ветер.

Сначала он был слабый и практически незаметный, но чем больше крови дракона попадала в море, тем сильнее он становился. Наконец вошел он в силу и принялся сбивать в единое целое пар, повисший над землей. Был Ветер похож на отважного пастуха, что собирает свое стадо. И когда из белого тумана получились первые тучи, Ветер дунул на них, и те от испуга заплакали. И на землю обрушился первый дождь. Он шел три дня и три ночи, на земле появились новые реки и озера.

Восточный ветер быстро понял свою незаменимость. Принялся он носиться по небу кидать в тучи заостренные палки ради веселья, те же громом и молниями разносились по све-

ту. Начал он без перерыва дуть на тучи, так на землю опустился первый снег. И долго еще ветер так тешился, веселился и проказничал. Но время даже для него существовало. И спустя столетия он заскучал. Надоели ему молчаливые плаксивые тучи, холодный снег и шумные ливни. Задумал Ветер спустится на землю и посмотреть, как же устроен мир, что ниже неба. Долго думал Ветер чей облик ему принять. Но птицы и звери были безоружны перед человеком, который в ту пору ходил по лесам. И Ветер обратился в человека. Правда он все перепутал, слишком привыкший к виду поднебесья. Сделал он себя высоким, а глаза – голубыми, как небосвод, кожу- белой, словно облака, а волосы золотыми, словно солнце. Казалось Ветру, что так он понравится людям куда больше. Но айны, жившие на той земле, куда спустился Ветер, только испугались при виде чужака. Был он так непохож на них – невысоких, темноволосых и кареглазых. Боятся люди того, чего не понимают.

И вот обустроился Ветер рядом с небольшой деревенькой и стал наблюдать за ее обитателями. Много работали люди, жили охотой и собирательством. Их жизнь казалась скучной. Но было в ней одно, что Ветер не мог понять – люди заботились друг о друге. Любили, переживали, ссорились. Не мог он осознать, как это чувства возникают в сердце, а затем выходят в мир. В думах своих Ветер оказался на берегу моря, сел на пригорок и принялся кидать камни в воду. За этим действием застала его айнская девушка. Была она худой

и хворой, никто из мужчин в соседних деревнях не желала брать ее в жены. Вот и жила она у старших родственник, а на берег приходила собрать моллюсков. Не умела она охотится, а нахлебничать ей не хотелось. Увидела она Ветра и села рядом. Так они стали видится изо дня в день. Девушка научила Ветра разбираться в ракушка и камушках, что выносит море, а Ветер научил ее петь мелодию дождя. У девушки было слабое тело, но сильное сердце, способное согреть кого угодно. Полюбил одинокий Ветер девушку и сделал ее своей женой. Хотел он унести ее на небо, чтобы жена жила там среди белых облаков. Но девушка была слишком тяжелой, не мог Ветер унести ее ввысь и посадить на прозрачное облако.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.